

18+

ЧАРЛЬЗ СТРОСС

ОРАНЖЕРЕЯ

Звезды научной фантастики

Чарльз Стросс

Оранжерея

«Издательство АСТ»

2006

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Стросс Ч.

Оранжевая / Ч. Стросс — «Издательство АСТ», 2006 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-1147780-6

Когда Робин просыпается в клинике с практически полным отсутствием каких-либо воспоминаний, он довольно быстро понимает, что кто-то хочет его убить. На дворе двадцать седьмой век, смерть побеждена, между звездами путешествуют через врата телепортов, а конфликты решаются с помощью сетевых червей, которые переписывают человеческое сознание. И с ранней версией Робина, судя по всему, поступили именно так. Пытаясь сбежать от преследования, он добровольно соглашается отправиться в искусственно созданное, замкнутое общество, призванное изучить Темные Века, то есть конец XX – начало XXI столетия. По условиям эксперимента каждому его участнику создают новую личность, никак не связанную с предыдущей. Но спасение довольно быстро оборачивается настоящей ловушкой, а научное исследование – подлинным кошмаром. И теперь Робин оказывается под полным контролем экспериментаторов – а еще во власти своей неуравновешенной психики...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-1147780-6

© Стросс Ч., 2006
© Издательство АСТ, 2006

Содержание

1. Дуэль	7
2. Эксперимент	18
3. Нуклеарность	29
4. Покупки	40
5. Церковь	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Чарльз Стросс

Оранжевая

Charles Stross
Glasshouse. Rogue Farm

Copyright © 2006 by Charles Stross
© Григорий Шокин, перевод, 2022
© Ксения Егорова, перевод, 2022
© Светлана Сапега, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Посвящается Кену Маклауду

Спасибо Джеймсу Николлу, Роберту Ноджею Сиддону, Кори Доктору, Эндрю Джейсу Уилсону, Кэтрин Бласделл, Дэвиду Клеменсу, Шону Эрику Фэггану, Фаре Мендельсон, Кену Маклауду, Джульет МакКенне и всем остальным подозрительным лицам

– Этот аппарат, – начал он и взял рукоять привода, на которую тут же оперся, – изобретение нашего бывшего коменданта. Вы уже что-нибудь слышали об этом человеке? Нет? Знаете, не будет преувеличением сказать, что построение всего здесь поселения является его рук делом. Мы, его друзья, уже к моменту его смерти знали, что все устройство поселения столь четко подчинено принципу внутренней замкнутости, что его преемник, сколько бы новых планов ни вертелось у него в голове, еще много лет не сумеет изменить ничего из старого. Наше предсказание сбылось: новому коменданту пришлось смириться с такой ситуацией. Да, жаль, что вы не знали бывшего коменданта!

Франц Кафка. В поселении осужденных¹

*Кто помнит сегодня об армянах?
Адольф Гитлер, 1939 год*

Режимы, происходящие из Насущной Республики, не используют классические дни, недели и другие земные календарные меры, разве что в историческом или археологическом контексте. Однако классическая секунда осталась основной единицей измерения времени. Удобный конвертер выглядит следующим образом:

1 секунда

время прохождения светом 299 792 458 метров в вакууме.

1 килосекунда

в архаичных единицах 16 минут.

¹ Перевод А. Тарасова.

100 килосекунд (1 день)

в архаичных единицах 1 день и 3 часа.

1 мегасекунда (1 цикл)

10 дней, в архаичных единицах 11 дней и 6 часов.

300 мегасекунд (1 месяц)

300 дней, в архаичных единицах 337 земных дней (11 месяцев).

1 гигасекунда

в архаичных единицах около 31 земного года.

1 терасекунда

в архаичных единицах около 31 тыс. земных лет (половина возраста человеческого вида).

1 петасекунда

в архаических единицах около 31 млн земных лет (половина временного отрезка с конца мелового периода).

1. Дуэль

Темнокожая женщина с четырьмя руками идет ко мне через танцплощадку клуба. Из одежды на ней – только пояс из человеческих черепов. Волосы образуют дымный венок вокруг открытого любопытного лица. Она интересуется мной.

– Ты здесь новенький, не так ли? – спрашивает она, останавливаясь у моего стола.

Я смотрю на нее. За исключением изящно встроенных вспомогательных плечевых суставов, тело ее – самое обычное человеческое: типовый дизайн. Цепь, украшенная колючей проволокой и бутонами роз, удерживает черепа на бедрах.

– Да, я новичок, – отвечаю я. Кольцо условно-досрочно освобожденного преступника щекочет левый указательный палец – незначительное такое напоминание. – Я обязан предупредить вас, что прохожу переиндексирование личности и реабилитацию. Я – ну, человек, подобный мне, – могу быть склонен к вспышкам насилия. Расслабьтесь, это лишь предупреждение: я не причиню вам вреда. А почему вы спрашиваете?

Она пожимает плечами – широкий, волнистый жест, который заканчивается, чуть сотрясая ее бедра.

– Потому что еще не видела вас здесь, а я тут бываю почти каждый день, и так – уже дней двадцать-тридцать подряд. Помогая кому-то, можно заработать дополнительные баллы на реабилитацию. Про кольцо не беспокойтесь, их здесь многие носят. До недавнего времени и мне приходилось всех предупреждать.

Я выдавил улыбку. Значит, такая же заключенная? Просто в иерархии программы – чуть повыше?

– Хотите чего-нибудь выпить? – спрашиваю я, указывая на стул рядом с собой. – А как вас зовут, если можно спросить?

– Кей. Давай без официоза. – Она выдвигает стул и садится, перекинув через плечо огромную прядь волос и обеими руками запихивая черепа под стол. В то же время она смотрит на меню. – Я хочу охлажденный двойной мокко с капелькой коки. – Она снова смотрит мне в глаза. – В клинике все устроено так, что волонтер постоянно приветствует здесь новых людей. И сейчас как раз моя смена. Назовешься? И да, откуда ты?

– Не гони лошадей. – Кольцо вновь щекочет. Я не забываю улыбаться. – Я – Робин. И ты права, я только что из рехаб-емкости. Выпущен один мег назад. – То есть чуть больше десяти планетарных дней, один миллион секунд. – Я из... – несколько секунд мои мысли лихорадочно мечутся, пытаюсь определиться, какую байку ей скормить, и приходят к выводу, что нужно что-то более-менее близкое к правде, – ...этого района, на самом деле. Но у меня заминки с памятью. Совсем залежался – вот и приходится с этим что-то делать.

Кей улыбается. У нее острые скулы, бледные зубы в обрамлении красивых губ; лицо с двусторонней симметрией – на такую работу ушли три миллиарда лет труда эволюционной эвристики и гомеозисных генов... *И откуда только эта мысль взялась?* – сердито спрашиваю я себя. Сложность в том, чтобы отличить собственные думы от тех, что принадлежат послеоперационному протезу личности.

– Так долго не была человеком, – признается она. – Совсем недавно сюда перебралась, с планеты *Zemlya*. – Через мгновение она мягко добавляет: – Ради операции.

Я возился с бахромой, свисающей с рукояти моего меча. С ней было что-то не так, и это меня ужасно расстраивало.

– Ты жила с ледяными упырями? – спрашиваю я.

– Не совсем. Я *была* ледяным упырем.

Я таращусь на нее во все глаза – вот не думал, что когда-нибудь встречу настоящего живого инопланетянина, пусть и выписанного из своей породы.

– Была ли ты... как это правильно сказать-то... в общем, ты родилась такой или на какое-то время эмигрировала?

– Это два вопроса. – Она поднимает палец. – Тогда и тебе от меня – два, уговор?

– Уговор. – Я кивнул без подсказки, и кольцо дало мне немного тепла. Все очень просто: поведение, предполагающее выздоровление, поощряется, а то, что усугубляет послеоперационный делирий, наказывается. Мне это не по душе, но это важная часть реабилитации – так мне сказали.

– Я эмигрировала на планету *Zemlya* сразу после предыдущего дампа памяти. – Что-то в выражении ее лица наводит на мысль, что она увильивает от правдивого ответа. Что тому причиной? Неудачные сделки, личные враги? – Я хотела познать общество ледяных упырей изнутри. – Бокал с коктейлем вырастает из стола, Кей делает осторожный глоток. – Потому что оно *очень* странное. – Она на мгновение задумывается. – Понимаешь, я жила среди них ради исследования. Но по прошествии одного поколения мне стало... грустно. Если проживаешь с кем-то несколько гигасекунд кряду, волей-неволей привязываешься к нему – если только не становишься постчеловеком, обновляя свою... ну, ты понял. Я подружилась с парой, наблюдала, как они стареют, потом – умирают, и в какой-то момент поняла: не могу больше это терпеть. Поэтому я вернулась и стерла это... чувство. Эту боль.

Несколько гигасекунд? Одна длится тридцать планетарных лет. Многовато времени на житие с незнакомцами.

Кей внимательно наблюдает за мной.

– Это, наверное, была очень точная операция, – медленно отвечаю я. – Потому что я из прошлой жизни почти ничего не помню.

– Ты был человеком, – предполагает она.

– Да. – Определенно, был. У меня остались обрывки воспоминаний – мечи, чья сталь мерцает в сумерках в узких проулках, вновь охваченные войной зоны; кровь, льющаяся рекой. – Я был ученым. Из профессуры. – Скомпонованный ряд охваченных огнем врат, за грозной броней поста таможенного контроля между режимами. Крики, толкотня – мирные жители устремляются к темному проему. – Я был историком. – Это хотя бы отчасти правда... было правдой. – Все теперь кажется таким скучным и далеким. – Короткий выброс энергетического оружия, за ним – тишина. – Меня заела рутина, вот и пришлось немножко освежиться.

А это уже почти стопроцентная ложь. Я не был добровольцем – кто-то сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Я слишком много знал. Либо мог согласиться на вмешательство в память, либо моя следующая смерть стала бы последней. По крайней мере, так значилось в письме на мертвой бумаге – письме к самому себе, ждавшему у кровати, когда я очнусь в реабилитационном центре, сразу после того, как испил вод Леты, доставленных прямо в мозг ботами размером с молекулу – с легкой руки хирургов-храмовников.

Я скалю зубы в улыбке, прикапывая полуправду в откровенной лжи.

– И вот я прошел серьезную переподготовку и теперь не могу вспомнить, что к чему...

– ...чувствуя себя новым человеком, – договорила она за меня с полуулыбкой.

– Ага. – Я смотрю на вторую пару ее рук. Не могу не подметить, как она сжимает и разжимает пальцы, словно заправская невротичка. – Но я предпочел консервативный дизайн тела. – Да, консервативного во мне – до фига. Ныне я – мужчина среднего роста, темноглазый, с уже проступающей черной щетиной – ничем не улучшенный евразиец докосмической эры, в кожаном килте и конопляных сандалиях в тон. – У меня осталось очень въедливое представление о себе, и я не собирался его отвергать. С ним слишком многое ассоциируется – так что я бы не смог. Кстати, классные у тебя черепушки.

Кей улыбается:

– Спасибо. И еще раз спасибо – за то, что не задал стандартные вопросы.

– Это какие же?

– Ну, почему я так выгляжу, например.

Впервые за наш разговор я беру свой напиток и делаю глоток горькой холодной жидкости синего цвета.

– Ты прожила столько же времени, сколько живет человеческая допотопная форма, среди ледяных упырей, и местный сброд куксится из-за того, что у тебя слишком много рук? – Я покачал головой. – Думаю, у тебя есть на то причины. И всё.

Она скрещивает обе пары конечностей в защитном жесте.

– Я бы чувствовала себя обманщицей, имея облик... – Она смотрит куда-то поверх меня. В баре есть еще парни, несколько смазливо-кавайных девиц и некоторое количество киборгов, но большинство – ортогуманоиды. Кей смотрит на даму с длинными светлыми волосами на одной стороне головы и короткими щетинками – на другой, одетую в воздушную белую драпировку и пояс с мечом. Женщина громко ржет в ответ на слова одного из своих товарищей – это берсерки ждут игроков. – ...скажем, как у нее.

– А ты когда-нибудь была ортогуманоидом?

– До сих пор им остаюсь – глубоко внутри.

Насколько я понял, она выходит на публику в ксеногуманоидном обличье, потому что стесняется. Я рассматриваю толчею берсерков и случайно встречаюсь взглядом с той блондинкой. Она смотрит на меня напряженно, затем показушно поворачивается ко мне спиной.

– Этот бар здесь давно? – спрашиваю я, а сам чувствую, как горят уши. Как эта фифа посмела так поступить со мной?

– Около трех мегасекунд. – Кей кивает компашке гуманоидов, вваливающейся в бар. – Лучше не обращай на них особого внимания, это дуэлянты.

– Я сам такой. Дуэли – часть моей терапии.

Кей гримасничает.

– Я в эти грязные игры не играю. Не фанатка боли.

– И я – не фанат, – медленно замечаю я. – Дело ведь не в этом. А в том, что амнезия часто ведет к фрустрации и смещенной агрессии, формализованный же и донельзя регламентированный контекст дуэли гарантирует, что она никого не заденет.

– Где ты живешь? – спросила она.

– Все еще в... – Я подмечаю, что она быстро сменила тему. – Все еще в клинике. Понимаешь, все, что у меня было... – Я стушевался. – Мне не очень хочется все это тащить за собой. Я еще не понял, кем хочу быть в новой жизни, поэтому не вижу смысла волочь весь этот багаж.

– Еще по одной? – спрашивает Кей. – Я угощаю.

– С удовольствием.

Когда я спиной чую, как к нашему столу идет та блондинка из компашки берсерков, в голове звенит колокольчик. Я делаю вид, что не замечаю, но чувствую знакомое тепло в животе и напряжение в спине. Древние рефлексy и более чем один современный игровой код берут на себя управление: я незаметно выдвигаю меч из ножен. Думаю, я знаю, чего хочет блондинка, и буду счастлив ее порадовать. Она – не единственная, кто здесь склонен к частым вспышкам убийственной ярости, которая не быстро утихнет. Терапевт посоветовал принять это и излить – контора одобряет. Со временем ярость уляжется.

Но меня раздражают не только эффекты резекции памяти. Помимо прочего, я решил сбросить свой возраст. Однако, когда вам исполняется двадцать, разворачивается совершенно новый фронт гормонального шторма – что заставляет меня бесконечно ходить по комнате, стоять в белом санитарном боксе и кромсать предплечья лезвиями – просто чтобы с интересом наблюдать, как льется ярко-красная кровь. Да и секс приобретает навязчивую важность, о которой я почти забыл. Особенно трудно бороться с влечениями к сексу и насилию, когда просыпаешься истощенным, опустошенным, непомнящим, кем ты был раньше? Но во втором-третьем цикле омоложения все гораздо проще.

– Знаешь, не оборачивайся, но знай, что кто-то вот-вот...

Прежде чем я успеваю закончить фразу, блондинка склоняется над плечом Кей и плюет мне в лицо.

– Требую сатисфакции. – Ее голос похож на алмазное сверло.

– Почему? – бесстрастно спрашиваю я, хотя у меня уже колотится сердце. Я потираю щеку, чувствую нарастающий гнев, но сдерживаю его силой воли.

– Просто по факту твоего существования.

У многих психов в фазе диссоциации, не прошедших курс реабилитации до конца, у которых разорванные пряди старой личности никак не заплетутся в новую, – такое вот выражение лица: бессмысленная злоба на все вокруг, экзистенциальная ненависть – часто направленная на хоть как-то сформированную самость, первой попавшуюся под руку в чуждом беспамятном мире. Гнев, расширяющий зрачки, вкупе с избыточной маскулинностью делают блондинку зрелищем устрашающим, первобытно-диким. Тем не менее ей хватает самоконтроля сперва пригласить на дуэль, а уже потом напасть.

Кей, застенчивая и гораздо более продвинутая в реабилитации, чем любой из нас, сидит в кресле, а блондинка смотрит на меня. И вот что меня раздражает – светловолосая девушка не должна пугать посторонних. Может, я не так собран, как думаю?

– В таком случае... – я медленно встаю, ни на мгновение не прерывая зрительный контакт, – ...может, мы пойдем с этим в ремилитаризованную зону? До первой смерти?

– Конечно, – шипит она.

Я смотрю на Кей.

– Было приятно с тобой поговорить. Повторишь мне заказ? Я скоро буду. – Я прямо-таки чувствую ее взгляд на спине, когда следую за блондинкой к воротам, ведущим в Зону. А те – прямо за стойкой.

Блондинка останавливается на пороге.

– Давай, сначала ты, – кивает она на ворота.

– Вот еще! Тот, кто бросает вызов, ступает первым.

Она снова угрожающе смотрит на меня, очевидно, вся не своя от гнева, затем входит в Т-ворота, мигает – и исчезает. Я потираю правую руку о кожаный килт, хватаю лезвие меча, вытаскиваю его и прыгаю в червоточину, соединяющую две эти точки.

Кодекс чести гласит, что бросающий вызов должен отойти от цели на приличных десять шагов, но блондинка в плохом настроении, и хорошо, что я обороняюсь и готов увернуться, потому что она уже наготове, желает вонзить меч мне в грудь или в живот прямо здесь.

Она быстра, безжалостна и совершенно незаинтересованна в соблюдении правил – это хорошо, потому что у моего собственного экзистенциального гнева наконец есть выход и объект приложения. Ярость, охватившая меня после операции, ненависть к военным преступникам, которые заставляли меня злиться и подвергли живого человека, которым я был, обширному стиранию памяти – даже не помню, какого я пола и роста, – наконец обрели цель: блондинку с мечом, лучшую сосредоточенностью и зеркальным отражением моего неистовства.

Эта часть ремилитаризованной зоны выполнена в виде полуразрушенного города древней Земли – постъядерная бетонная пустыня с руинами и странной растительностью, которая пробилась поверх памятников завоевателям и сгоревших остовов колесных авто. Мы, вполне возможно, единственные разумные существа здесь – брошенные на планету, где ни одна живая душа не обитает. И в этом одиночестве нам суждено преодолевать горе и ярость, что остались после операции.

Блондинка явно хочет решить все быстро. Я осторожно обороняюсь, пытаюсь найти у нее слабые места. Она предпочитает колющие и рассекающие накрест удары, и я никак не соображу, как ее вырубить.

– Ну давай, умирай уже! – рычит она.

– Дамы, вперед! – Я отбиваю атаку и пытаюсь вывести ее из равновесия целой серией наскоков. Рядом с воротами, через которые мы вошли, валяется рухнувшая башня, со всех сторон окруженная горами обломков выше человеческого роста. Индикатор на воротах мигает красным, сигнализируя о невозможности прохода до тех пор, пока один из нас не умрет. Эти груды дают мне преимущество, так что я снова отбиваю удар, затем делаю шаг назад – и подставляюсь.

Блондинка пользуется этим, и мне с трудом удается заблокировать атаку, потому что она быстрая. Но ума ей недостает, и она определенно не ожидала ножа в моей левой руке, ранее покоившегося в набедренных ножнах. Пытаясь избежать лезвия, теперь уже она подставляется – и я вонзаю свой меч ей в живот.

Она падает на колени. Да и я тяжело опускаюсь на четвереньки – *почти* падаю. Блин, когда она успела рубануть меня по ноге? Наверное, не стоило так полагаться на свои рефлексy.

– Ну что, хватит? – молю я, внезапно чувствуя слабость.

– Я... – Она выглядит странно, обеими руками сжимает рукоять меча, который из нее торчит. – Э... – Пытается сглотнуть. – Кто...

– Я Робин, – беспечно говорю я, глаза на нее с интересом. Не думаю, что когда-либо видел, чтобы кто-то умирал с мечом в животе. Ну что ж, много крови и отвратительный запах вспоротых кишок. Я думал, она будет извиваться и кричать, но, может, у нее есть какой-то регулятор болевых порогов. Так или иначе, я и сам сейчас цепляюсь за рану на ноге. Мы – товарищи по боли и страданиям.

– А ты?..

– Гвин. – Она сглатывает кровь. Накал ненависти утихает, обнажая что-то, до поры скрытое. Удивление?

– Когда ты в последний раз выполняла резервное копирование?

Она прищуривается:

– Э-э-э. Час. Тому назад.

– Хорошо. Могу я покончить с тобой?

Нам нужно мгновение, чтобы встретиться глазами. Она кивает.

– А ты? Когда?

Я наклоняюсь, скривив губы, и беру ее меч.

– Когда я сделал резервную копию? В смысле – после операции на памяти?

Она кивает, или, может, вздрагивает. Я поднимаю лезвие и хмуро смотрю на ее шею. Это расходует всю мою энергию.

– Хороший вопрос...

Перерезаю ей горло. Кровь брызжет во все стороны.

– Никогда.

Я хромаю к выходу – воротам А – и прошу восстановить ногу, прежде чем вернуться в бар. Ворота отключают меня, и через субъективный момент я просыпаюсь в кабинке туалета в задней части паба – тело как новое. Смотрю в зеркало, чувствуя себя опустошенным, но вполне в ладах с собой. Может, скоро буду готов к бекапу? Сгибаю правую ногу. Ассемблер ее прилично канонизировал, исправленная мышца работает, как надо. Надо впредь избегать Гвин, по крайней мере, до тех пор, пока она не уймет бессмысленный гонор, что, вероятно, займет некоторое время, если она продолжит приставать к более сильным и опытным бойцам. Я возвращаюсь к столу.

Кей, как ни странно, все еще там. Я ожидал, что она ушла. А-ворота работают быстро, но все же требуется минимум тысяча секунд, чтобы сломать человеческое тело и снова его собрать: в нем много битов и атомов, которыми непросто манипулировать.

Я опускаюсь в кресло. Да она еще и купила мне новую выпивку!

– Прошу прощения, – брякаю на автоматизме.

– К такому привыкаешь. Тебе лучше?

Я задумываюсь над вопросом. На мгновение мысленно возвращаюсь в бетонную пустошь, к горячей боли в ноге и чистой ненависти, высвобождающейся в удар по горлу Гвин острой железкой.

– Что было, то прошло, – говорю я наконец, смотрю на свой бокал и опрокидываю залпом.

– Так как дела? – спрашивает Кей, глядя на меня. – Ну, если ты хочешь поговорить об этом, – поспешно добавляет она. Теперь я понимаю, что Кей напугана и обеспокоена. Мое кольцо условно-досрочника все время шлет пульсирующие волны тепла.

– Ясное дело, – отвечаю я с улыбкой, вероятно, усталой. Ставлю перед собой бокал. – Кажется, я все еще в диссоциативной фазе. Перед тем как отправиться в город сегодня вечером, я сидел один в своей комнате и рисовал скальпелем красивые линии на руках. Мне было интересно, следует ли мне порезать себе вены и положить конец всему этому. Я был зол. На себя. Но все прошло.

– Бывает. Что изменилось?

Я хмурюсь. Мне мало помогает знание того, что это частый эффект реинтеграции.

– Я поступил как придурок. Когда вернусь домой, мне понадобится резервная копия.

– Резервная? – Глаза Кей расширяются. – Ты весь вечер ходишь с мечом и повязкой дуэлянта, и у тебя нет запасника? – Ее голос переходит на писк. – Чем ты думаешь?

– Знание о том, что у тебя есть бекап, притупляет чувства. Я, повторю, был жутко на себя зол. – Перестая хмуриться, когда смотрю на нее. – Но нельзя постоянно так злиться.

В частности, перспектива узнать, кто я или кем был, внезапно стала ужасно, всецело пугать меня. Что это значит, почему я вдруг почувствовал чужие эмоции – сразу после того, как выпотрошил кого-то мечом? Во мраке Средневековья это было бы трагедией, но даже здесь смерть – не то, к чему люди относятся небрежно. В один ужасный момент мне хочется сбежать в город, найти Гвин и извиниться перед ней. Только это ерунда. Она ничего не вспомнит и будет в том же настроении, что раньше. Наверное, вызовет меня еще на одну дуэль и благодаря своей неизменной бессмысленной ярости порвет в клочья.

– Думаю, я прихожу в норму помаленьку, – говорю я. – Знаешь какое-нибудь место побезопаснее, где эти гребаные берсерки не ходят толпами?

– Хм. – Она смотрит на меня критически. – Если избавишься от меча и повязки, не будешь особенно выделяться в зоне для пациентов во второй фазе. Это в нескольких шагах отсюда. Я знаю место, где готовят действительно хороший стейк из кенгуру. Ты как, голоден?

Сразу после дуэли вместо жажды насилия у меня разыгрался аппетит. Кей ведет меня на прекрасную площадку из алмазного волокна с низкой плотностью, засаженную бонсай-секвойей, где старомодные паровые роботы жарят сочное мясо на мангале. Мы болтаем, и мне ясно, что она сильно заинтригована тем, как я у нее на глазах оправляюсь от эмоциональных эффектов хирургии памяти. Я пытаюсь вытащить из нее подробности жизни среди ледяных упырей, она спрашивает меня об академии фехтования Невидимой Республики. У нее извращенное чувство юмора, и, когда с едой покончено, она предлагает «сходить развлечься».

«Развлечься» – значит поучаствовать в довольно непринужденной групповухе с переменным составом в одном из зданий клиники. Когда мы приходим, собирается всего человек шесть – почти все на большой круглой кровати, угощают друг друга кальяном и лениво мастурбируют. Кей прислоняет меня к стене рядом с входом, целует и тремя руками делает что-то возбуждающее мою промежность и яички. Затем исчезает в ванной, чтобы воспользоваться ассемблером. Я жду ее и тяжело дышу. Когда она возвращается, я почти не узнаю ее: волосы стали синего цвета, две руки отсутствуют, а кожа – цвета кофе и молока. Она идет прямо ко мне, снова меня целует, и я узнаю ее по вкусу рта. Несу к кровати, и после первого быстрого

совокупления мы присоединяемся к кальящикам, исследуем тела (свои и соседские) до тех пор, пока не начинает клонить в сон.

Я лежу рядом с ней, почти лицом к лицу, а она шепчет:

– Это было здорово.

– Здорово, – эхом повторяю я. – Много воды утекло с тех пор, как я... – И тут же когнитивные функции мне изменяют.

– Я здесь ошиваюсь регулярно, – говорит она. – А тебе хотелось бы?

– Я вот что хочу сказать...

– Что?

– Я не помню, когда в последний раз трахался.

Она кладет одну руку мне между бедер.

– Действительно?

– Ну да, не помню. – Я хмурюсь. – Забыл, выходит.

– Забы-ы-ыл? – Она выглядит удивленной. – Может, у тебя был плохой опыт по части отношений? Может, поэтому ты и согласился на операцию?

– Нет-нет. Я... – Прикусываю язык, пока чего не случилось. Будь все так, уверен, в письме от моей прошлой личности что-то такое упоминалось бы, хотя бы вскользь. – Нет, я просто не помню. Обычно так не бывает, да?

– Не бывает. – Кей льнет ко мне и гладит мою шею сзади. Я удивляюсь, отмечая, что ее прикосновения вновь пробуждают эрекцию, провожу пальцами по краям ее сосков – и ее дыхание становится прерывистым. Наверное, так это работает. Без какого-либо внешнего влияния – фиг возбудишься, не так ли?

– Ты – отличная кандидатура для эксперимента Юрдона.

– Для чего?..

Кей прижимает меня к груди, и я послушно переворачиваюсь на спину, позволяя ей оседлать себя. Вокруг кровати – множество прибабасов, взывающих к использованию, но она, кажется, предпочитает традиционный секс, когда все, что у любовников есть, – их тела. Она, вероятно, видит в этом своего рода возвращение к естественной человечности. С моих губ рвется стон, когда я хватаю ее за ягодицы и прижимаю к себе.

– Для эксперимента. Юрдон ищет тяжелые случаи амнезии и вознаграждает тех, кто их находит. Я расскажу тебе позже... – Мы перестаем говорить, речь мешает общению тел. Здесь и сейчас Кей – все, чего я хочу.

В конце концов, я направляюсь домой по проспектам, выстланным мягкой живой травой, укорененной в глыбах зеленого мрамора, вырезанных из литосферы планеты, крутящейся в сотнях терасекунд отсюда. Я наедине со своими мыслями, модем ² отключен от карты маршрута, обещая пятикилометровую прогулку в обход. Я взял меч, но не чувствую, что кто-то бросит мне вызов. Нужно время подумать – терапевт будет ждать меня, когда я вернусь домой, и, прежде чем начну с ним разговаривать, я должен четко представлять себе, кем, по собственному мнению, становлюсь.

Вот я, живой и бодрствующий – кто бы я ни был. Я – Робин, верно? У меня туманных воспоминаний – до хрена, но это лишь мыльные разводы после большой уборки, которые превращают прошлое в брызги с кисти импрессиониста. Сразу после пробуждения мне пришлось проверить свой возраст. Оказалось – почти семь миллиардов секунд, хотя у меня эмоциональная устойчивость человека в десять раз моложе. Как возможно, что я такой старый, а чувствую себя молодым и неопытным?

² В реалиях романа «модем» (в оригинале – netlink; за неимением более адаптивного термина в переводе использован именно этот, чтобы избежать калькирования) – не отдельное устройство для взаимодействия с «сетевой реальностью» империи Ис, а некий «модуль сознания», интегрированный, вероятнее всего, на уровне метакортекса (см. роман «Аччелерандо», главы 1, 7–8).

В моей жизни есть огромные загадочные дыры. У меня, должно быть, раньше был секс, хотя я ничего не помню. Я, похоже, дрался – рефлекс и подсознательные навыки быстро помогли сладить с Гвин, – но я не помню ни тренировок, ни убийств, за исключением таинственных вспышек, которые с тем же успехом могли быть остатками воспоминаний из каких-то развлекательных программ. В письме от предыдущего «я» говорилось, что я был ученым, военным историком, специализировавшимся на религиозной мании, спящих сектах и Темных веках. Если все так, я ничего из этого не помню. Может, это сидит где-то глубоко и протечет, когда понадобится, а может, исчезло навсегда. Степень резекции памяти, которую возжелало мое прежнее «я», судя по всему, опасно приблизилась к тому, чтобы меня прежнего полностью стерло.

И что же осталось?

Все фойе моего картезианского театра усеяно осколками воспоминаний, которые только и ждут, что я поскользнусь и поранюсь. У меня ортодоксальное мужское тело, ортодоксальный продукт естественного отбора. Его форма мне вполне подходит, хотя у меня такое ощущение, что когда-то я сидел в чем-то гораздо более странном – почему-то приходит в голову, что я был танком (может, слишком закопался в военную историю, и она прилипла ко мне и уцелела – в то время как более важные воспоминания утратились). Это ощущение безграничного расширения, холода, контролируемого насилия... да, может, я и был танком. Если так, однажды я патрулировал важный сетевой шлюз. Переход между системами, а также внутри системы шел через Т-ворота – червоточину, соединяющую две удаленные точки. Т-ворота не фильтруют – через них может пройти что угодно. Хоть это и не проблема в пределах системы, все становится серьезнее, когда граница сети защищается от атак других систем. Отсюда и потребность в брандмауэрах. Моя работа пограничника заключалась в следующем: я следил за тем, чтобы все прибывающие путешественники приземлялись прямо у выхода А – там группы сборщиков разбирали их, загружали, анализировали на наличие угроз, а затем поочередно отправляли данные на выход внутри демилитаризованной зоны. Обычно людей пропускают через А-ворота только для таможенного сканирования или сериализации, но тогда мы были в состоянии войны, и все без исключения находились под контролем.

Войны? О да. Самый конец Войны Правок. Не помню, в чем суть, но я определенно охранял какие-то приграничные, окраинные Т-ворота одного из отколовшихся государств, созданных на развалинах Насущной Республики, когда во всех ее ассемблерах поселился редакционный вирус-червь.

А что потом... Да поди вспомни. Одно время я был кошкой Лайнбарджера³. Или на этих кошек только работал? Но тогда получается, что я не был танком! А был чем-то совсем другим!

Я выхожу из Т-ворот в конце затхлого коридора, который ведет через каменное сердце руин собора. С двух сторон в черное небо вздымаются могучие столбы, а по ажурным деревянным перегородкам меж ними вьется плющ. Эти столбы являются нужной иллюзией – сигнализируют о границе тоннельного поля, удерживающего здесь атмосферу; эта планета, за пределами готического ландшафтного парка, обледенелая и безвоздушная, прикованная приливной силой к коричневому карлику где-то далеко за гранью Солнечной системы, в нескольких сотнях триллионов километров от легендарной вымершей *Zemly*. Я шагаю мимо гниющих алых и бирюзовых шерстяных гобеленов, на которых изображены орточеловеческие фигуры в доспехах или длинных одеждах, сражающиеся насмерть или занимающиеся любовью по ту сторону такой огромной пропасти секунд, что мое личное прошлое для них ничегошеньки не значит.

³ Пол Лайнбарджер – американский фантаст золотого века, более известный под псевдонимом «Кордвайнер Смит». Кошки часто появляются в его произведениях (в рассказе «Проступок и триумф капитана Суздаля» есть даже генетически запрограммированные кошки). Далее по тексту романа появляется компания «Кордвайнер хэви индастриз».

Вот я, брошенный на другой стороне времени, в реабилитационном центре, которым управляют хирурги-храмовники Невидимой Республики, хожу по пустынным пассажирам живописной имитации руин, воздвигнутой на поверхности мертвой планеты, тщуся заново собрать воедино мою грубую личность. Я даже не помню, как сюда попал. О чем мне следует поговорить с терапевтами?

Я следую за мигающим курсором карты, загруженной в модем, в центральный двор, затем поворачиваю налево к нефу и иду мимо каменных алтарей, увенчанных резными скелетами гигантов. Неф сразу заканчивается прямоугольным отверстием в пространстве – еще одними Т-воротами. Пройдя через них, я чувствую внезапную легкость – гравитация более не хочет меня удерживать, а кажущаяся сила Кориолиса тянет влево. Свет становится ярче, а пол представляет собой озеро голубой жидкости с таким большим поверхностным натяжением, что я могу скользить по нему – ноги едва оставляют вмятины на глади. На уровне воды дверей нет, только в стенах прорезаны выемки и неровные проемы. В воздухе висит слабый запах йода. Рискну сказать, что я иду через один из загадочных роутеров, вращающихся вокруг множества коричневых карликов в этой части галактики.

В конце коридора пролетаю несколько облаков тумана размером с человека – этой анонимизирующей мглы напустили спецом, чтобы прохожие в роутере не замечали друг друга, – и попадаю в другую залу с кольцом Т-ворот и А-воротами у стены. Иду в указанную дверь и перемещаюсь в уже знакомый мне коридор, обшитый живым деревом с обеих сторон. В дальнем конце двора – декоративный фонтанчик. Здесь тихо и приятно, все освещено теплым сиянием желтой звезды. У нас здесь есть апартаменты – у меня и еще у нескольких пациентов, проходящих реабилитацию. Сюда мы можем приехать и безопасно провести время среди людей, находящихся на той же стадии реабилитации, что и мы. И вот я прихожу к своему терапевту.

Сегодняшний терапевт – вовсе не гуманоид, не эльф и не епископ. Пикколо-47 – мезоморфный робот, околосферической формы, с большим количеством разных, странно выглядящих механических конечностей, некоторые из которых даже физически не связаны с его телом. Нет ничего похожего на лицо. Я считаю, что это некультурно (механизм распознавания эмоциональных состояний по выражению лица у людей очень бестолковый, и появление на публике без лица считается серьезным оскорблением), но держу эту мысль при себе. Вероятно, он делает так специально, хочет проверить мою устойчивость – если я не могу иметь дело с кем-то, у кого нет лица, как поведу себя на публике? Как бы то ни было, ссора с терапевтом – не средство от моей эмоциональной нестабильности.

– Вы дрались сегодня на дуэли, – говорит Пикколо-47. – Расскажите своими словами, что привело к этому происшествию.

Я усаживаюсь на каменных ступенях у фонтанчика, откидываюсь назад, пока не чувствую капли холодной воды на шее, и пытаюсь напомнить себе, что разговариваю, по сути, с бытовым прибором. Это помогает. Рассказ худо-бедно клеится – из событий дня, по крайней мере, из *публичных* событий.

– Как думаете, Гвин злонамеренно вас спровоцировала? – спрашивает терапевт.

– Гм. – Я мгновение обдумываю ответ. – Может, я ее спровоцировал? – В этом есть резон – я на нее пялился, а мог бы отвести взгляд. Мог бы, если бы хотел. Признание делает меня виноватым, но лишь чуть-чуть. Гвин сейчас где-то ходит-бродит сама по себе и даже не помнит, что ей распорили брюхо. Она потеряла меньше часа жизни. А вот моя нога до сих пор напоминает об этой суке судорогами, и вообще я серьезно рисковал без бэкапа...

– Вы сказали, что не сделали резервную копию. Это немного безрассудно?

– Да-да, конечно, – отвечаю я. – Сделаю, как только мы закончим наш разговор.

– Очень рад за вас.

Я слегка вздрагиваю и с тревогой смотрю на Пикколо-47. Обычно во время сеанса терапевты не выражают ни положительных, ни отрицательных эмоций; иллюзия, что здесь никого

нет, только что разрушилась, и я чувствую, как бежит холодок по коже, когда смотрю на его гладкую броню.

– Проверка вашего общественного статуса показывает, что вы добиваетесь успехов. Я призываю вас продолжить изучение сектора реабилитации и воспользоваться группами поддержки пациентов.

– Эм. – Я тарашу на Пикколо-47 глаза. – Я думал, вам нельзя влиять...

– Воздействие противопоказано на ранних стадиях выздоровления пациентам с очень тяжелой психопатологической диссоциацией в результате резекции памяти. Однако на более поздних стадиях, при необходимости, можно давать рекомендации тем, у кого есть признаки быстрого выздоровления. Я хотел бы задать вам один вопрос – с вашего позволения, разумеется.

– Ну? – Я не свожу глаз с робота. В основании хребта-манипулятора он изрядно смахивает на переливающуюся цветную капусту, пульсирующую и дышащую – ну или на что-то вроде обнаженного легкого, вывернутого наизнанку, с гальваническим покрытием из титана. Это удивительно бесчеловечная макроскопическая наномашина, достаточно сложная, чтобы жить собственной иллюзорной жизнью.

– Вы сказали, что пациент Кей в беседе с вами упомянула эксперимент Юрдона. Профессор истории Юрдон – один из моих коллег, и Кей права: ваша относительно глубокая терапия означает, что вы – идеальный кандидат для этого эксперимента. Я также считаю, что участие в нем может оказаться полезным для вашего выздоровления в долгосрочной перспективе.

– Хм. – Я все еще могу понять, когда меня успокаивают, прежде чем надавить. – А нельзя ли об этом вашем эксперименте узнать побольше, а?

– Конечно. Секундочку... – Пикколо-47 явно отправляет кому-то сообщение в спешке, его внимание рассеивается. Периферийные сенсоры идут вразнос, перестает пульсировать основание манипулятора. – Робин, я взял на себя смелость отправить ваш общедоступный профиль в координационный офис. Эксперимент Юрдона – междисциплинарный проект отделов археологии, истории, психологии и социальной инженерии Схоластики. Профессор Юрдон – генеральный координатор. Если вы станете волонтером, копия вашей следующей резервной копии – или оригинала, если выберете полное погружение, – будет воплощена как отдельная сущность в экспериментальном сообществе, где она будет жить от 30 до 100 мегасекунд вместе с сотней других добровольцев. Сообщество задумано как опыт, позволяющий исследовать определенные психологические ограничения, связанные с жизнью до Войны Правок. Другими словами, попытка реконструировать культуру, о которой мы потеряли большую часть информации.

– Экспериментальное общество?

– Да. У нас на руках – лишь ограниченная информация о многих периодах истории. С начала эры эмоциональных машин темные века стали появляться слишком часто. Иногда это совпадение – самый темный век, на заре эмоционального века, был результатом непонимания информационной экономики того времени и последующего принятия многих несовместимых форматов представления данных. Но иногда их провоцируют – как в случае с Войной Правок. В целом эффект состоит в том, что из-за значительных периодов отчетного времени очень малое количество информации остается незапятнанным некой... *предвзятостью наблюдателя*. Проблемы с пропагандой, развлечениями, представлениями слипаются в один снежный ком, лишая нас точных описаний явлений, а древность и нужда в периодическом форматировании воспоминаний лишают нас субъективного опыта.

– А, кажись, сообразил. – Я прислоняюсь к фонтану. Голос Пикколо-47 бережит душу. Почти уверен, что он одновременно испускает феромоны, повышающие настроение, но, если я прав в своих догадках, ему никогда не приходило в голову, что я могу испытывать сознательные неудобства и все равно оставаться бдительным. Крошечные ледяные капельки, стучащие

по шее, являются отличным фиксатором внимания. – Так что мне придется прожить в этом сообществе где-то десять мегасекунд? А потом? Что я буду там делать?

– Я не могу сказать точно, – признается Пикколо-47 примирительным и мягким тоном. – Это отрицательно сказалось бы на последовательности эксперимента. Чтобы он имел эмпирическую валидность, все его цели и функции должны быть неизвестны тестовым объектам, поскольку им надлежит создать там валидное, настоящее общество. Но я могу сказать, что вы сможете уйти, как только эксперимент достигнет окончательной фазы, которую определит наблюдатель или комитет по этике, либо ходатайствовать о его досрочном для вас завершении. В рамках эксперимента вы будете подвергаться некоторым ограничениям на передвижение, доступ к медицинской информации и процедурам, а также доступность артефактов и услуг. Время от времени контролер будет присылать участникам информацию, которая позволит им понять, как работает общество. Перед входом нужно нотариально заверить соответствующее согласие. Однако мы уверяем вас, что все ваши права и человеческое достоинство будут сохранены.

– Что это значит для меня? – прямо спрашиваю я.

– Хорошую плату за участие в эксперименте. – Голос Пикколо-47 почти застенчив. – Еще у нас есть бонусная программа для участников, которые будут активно способствовать успеху предприятия.

– Я понимаю, – ухмыляюсь я терапевту. Но мое подмасленное состояние – блеф. Если этот робот думает, что мне нужны деньги, он сильно ошибается. Не знаю, на кого я раньше работал – на кошек Лайнбарджера или на какую-то другую, более скрытную и гораздо более ужасающую Силу, – но одно можно сказать наверняка: в черном теле меня не держали.

– Есть и терапевтический аспект, – говорит Пикколо-47. – У вас имеются симптомы дисфории целеполагания. Это связано с почти полным стиранием центров вознаграждения и мотивации в вашем дельта-блоке и памяти о вашей прежней профессии; вы чувствуете себя тупым, бессмысленным и бесплодным. Смоделированное сообщество предоставит вам профессию. Там вы будете востребованы и сможете контактировать с группой индивидов в тех же начальных условиях. Вероятные побочные эффекты включают в себя возможность завести друзей и поиск смысла жизни. При этом у вас будет время развить собственные интересы и выбрать курс, соответствующий вашей новой личности, без давления бывших коллег или знакомых. И, повторяю, хорошо заплатят! – Пикколо-47 колеблется. – Вы уже встречались с одним из участников...

Вот это да.

– Знаете, я подумаю над вашим предложением, – небрежно говорю я. – Пришлите мне подробности... и я подумаю. Но сразу не скажу: да или нет. – Улыбаюсь шире, обнажая зубы. – Я не люблю, когда на меня давят.

– Понимаю-понимаю! – Пикколо-47 приподнимается и отодвигается от меня на метр назад. – Прошу прощения. Просто я очень обеспокоен успехом данного эксперимента.

– Конечно. – Я машу рукой. – А теперь, если вы не возражаете, я хотел бы немного успокоиться. Мой разум все еще спит, сами понимаете.

– Увидимся примерно через день, – говорит Пикколо-47, воспаряет выше и кружится в вираже к дыре, зрачком открывшейся на потолке. – До скорых встреч! – Он исчезает, оставляя за собой лишь слабый шлейф запаха лаванды, и меня вдруг накрывает до ужаса интенсивным воспоминанием о том, каков язык Кей на вкус, когда исследует мою ротовую полость изнутри.

2. Эксперимент

Добро пожаловать в Невидимую Республику.

Невидимая Республика – один из множества режимов, построенных на руинах Насущной Республики в результате Войны Правок, бушевавшей пять-десять гигасекунд назад. Во время этой войны сеть дальних Т-ворот, соединяющих подсети сверхдержавы, распалась, оставив после себя «рыхлые» сети, кое-где соединенные сборщиками ворот, вооруженными брандмауэрами. Каждого новичка насильно разбирали и проверяли на враждебные качества, перестраивали и только потом пускали внутрь. Сражения бушевали в безвоздушной криогенной залежи, в которой находились отдаленные врата, соединяющие воинствующие режимы, запущенные партиями Цензоров; редакционные черви прятались в программном обеспечении всех А-ворот, которые им удалось заразить.

Как почти все человеческие системы со времен Ускорения, Насущная Республика должным образом полагалась на А-ворота для производства, отправки, маршрутизации, коммутации и фильтрации пакетов и других операций, необходимых для сетевой цивилизации. То, как аккумуляторы наноассемблеров разбирали и дублировали артефакты и организмы, основанные на необработанном атомном сырье, делало их практически незаменимыми – не только для производственных и медицинских целей, но и для виртуальной транспортировки (проще одновременно втиснуть сотню шаблонов загрузки через Т-ворота, чем сотню физических тел) и брандмауэрной фильтрации на молекулярном уровне. Даже когда война поставила ворота под угрозу заражения враждебными червями, никто не хотел от них отказываться – ведь постареть, одряхлеть, стать жертвой болезни или травмы всяко хуже, чем ходить под риском искажения памяти. Те немногие параноики, которые отказывались пройти через ассемблеры, вымерли из-за преклонного возраста или накопившихся травм; а те, кто их еще использовал, уже ни в чем не могли быть уверены – неизвестно, что именно эти черви хотели скрыть и даже кто такие сами Цензоры.

Однако стресс цензуры заставил людей перестать доверять всем проходам, которые они не контролировали. Невозможно подвергнуть цензуре данные или массу через Т-ворота – те представляют собой лишь тоннель искривленного пространства-времени, соединяющий две далекие точки. Таким образом, все коммуникации даже на короткие расстояния переместились к таким воротам, и новые массовые ассемблеры стали редкостью, потому что никто больше не доверял цензурированным А-воротам. Произошел экономический крах, за ним – разрыв коммуникаций, и целые сети Т-ворот с высокой степенью внутренней связности (при этом необязательно с пространственной близостью) начали отключаться от более широкой сети. Насущная Республика, бывшая некогда сетью торговых государств с открытой топологией, превратилась в набор милитаристских КПП – пограничных постов между виртуальными республиками под защитой брандмауэров.

Так стало однажды – так было и сейчас. Невидимая Республика (НР) являлась одним из первых режимов-преемников. Была построена внутренняя сеть Т-ворот, которая жестко защищалась от внешнего доступа, пока не создали первое поколение новых А-ворот, дотошно построенных с нуля – из больших массивов квантовых точек, литографированных вручную. Даже во время войны НР сохраняла распределенную, весьма надежную сеть – эти военно-академические корни в ней чувствуются и поныне. Схоластика рассматривает знание как силу и пытается восстановить данные, утерянные в последующие темные века. Хотя в то же время ведутся оживленные дискуссии о том, действительно ли хорошая идея – заново открыть причину Правок. Ведь почти каждый потерял часть своей жизни во время войны, и десятки миллиардов погибли полностью: воссоздание предпосылок для худшего холокоста со времен двадцать третьего века – дело не бесспорное.

Как это ни парадоксально, ныне Невидимая Республика стала местом, куда многие люди приходят забыть прошлое. Те, кто остается людьми, редакцией в А-воротах лечась от старческой немощи, должны научиться забывать – если хотят существовать дальше. Время – каустическая сода: оно растворяет мотивацию, убивает любопытство и высасывает из жизни всю радость. Однако забывание – хлопотный процесс, подверженный ошибкам транскрипции и повреждению личности. Удаляешь один непотребный паттерн – ложишься в какой-то другой. Все воспоминания взаимосвязаны, и управлять ими – одно из высших медицинских искусств. Отсюда – высокий статус и ресурсная мощь хирургов-храмовников, в чьи руки я себя отдал. Они научились своему мастерству, проводя судебно-медицинский анализ ущерба, нанесенного жертвам Войны Правок. Так вчерашняя преступность пришла к сегодняшней медицине.

Немногим позже моего разговора с Пикколо-47 я опять заявился в клуб пациентов, который мне показала Кей. И вот у меня в руке бокал, я наслаждаюсь нежными галюнами, производимыми напитком в сочетании с нежной музыкой. Денек жаркий, большинство гостей вечеринки – на улице, в бассейне. Времени даром я не терял – учился, пытался все-все узнать о конституции и правовых традициях Невидимой Республики. Но это тяжелая работа, поэтому я пришел слегка повеселиться. Свой меч и пояс дуэлянта оставил дома. Вместо них на мне черные легинсы и свободная толстовка, украшенная губкой Менгера ⁴ из пустых карманов, сшитых из меньших карманов, и еще меньших, почти на пределе видимости – сотканных в невесомости ордами крошечных маниакальных пауков, чьи гены, как говорят, были запрограммированы неким обсессивно-компульсивным портным топологом. Я очень доволен собой, потому что мой последний ассистент терапевта, Лют-629, отметил мои большие успехи. Наверное, поэтому я недостаточно осторожен.

Сажу один за столом, никому не мешаю, как вдруг, без предупреждения, две руки закрывают мне глаза. Я вздрагиваю и пытаюсь встать, но другая пара рук уже давит на мои плечи. Я понимаю, кто это, как раз вовремя, чтобы не вмазать ей по лицу.

– Привет, незнакомец, – шепчет она мне на ухо, явно не подозревая, как близко я был к тому, чтобы сорваться на нее.

– Привет. – В один головокружительный момент я чувствую запах ее кожи на своей щеке; мое сердце вот-вот вырвется из груди, и я обливаюсь холодным потом. Я осторожно поглаживаю ее по лицу, собираюсь сказать, что она не должна так подкрадываться ко мне, но представляю себе ее улыбку, и что-то заставляет меня говорить мягче. – А мне было интересно, появишься ли ты здесь.

– Верю. – Кей отпускает меня, я поворачиваюсь и вижу ее озорную улыбку. – Ты тут за каким-то важным делом?

– Не-а. Я много чего читал, теперь мне нужно расслабиться. – Я виновато улыбаюсь. – И я расслабился бы – не вздумай ты проверять мои рефлексы борьбы и самосохранения!

– Извини! – Мы занимаем столик, Кей прислоняется к моему плечу и щелкает по моему пальцам. Через несколько мгновений что-то появляется в высоком матовом бокале, меняя цвет от золотистого наверху до синего внизу, слегка дымясь во влажном воздухе. В дымке я вижу мелкодисперсные узоры, похожие на морских коньков. – Я до сих пор не возьму в толк, вежливо ли спрашивать людей, хотят они со мной говорить или нет. С моих времен условности полностью изменились.

– Я в этом плане не щепетил. – Опустошив свой бокал, я позволяю столу вобрать его в себя. – Вообще-то я думал перекусить. Ты как, не голодна?

– Может, и голодна. – Кей закусывает нижнюю губу и задумчиво смотрит на меня. – Ты говорил, что рассчитывал меня увидеть.

⁴ Геометрический фрактал, состоит из 20 одинаковых частей, коэффициент подобия которых равен 1/3.

– Я просто немного подумал об исследовательском проекте, про который ты мне сказала. Решил узнать, кто эту музыку заказывает и нужны ли еще волонтеры.

Она хлопает глазами, меряя меня взглядом с головы до ног.

– Да у тебя, я смотрю, самоконтроль налаживается. Хочешь подать заявку? Круто!

Один из внешних сигнализаторов дергает, говоря мне, что она просматривает мои общедоступные метаданные – призрачный клубок медицинских записей, который летит за нами как рой воображаемых пчел, готовых укусить при первых признаках агрессии.

– Тебе действительно стало лучше!

– Не хочу быть пациентом вечно. – Звучит драматизированно. – Не люблю такую долгую опеку.

– Ты уже решил, что будешь делать по выздоровлении? – спросила она.

– Понятия не имею. – Я просматриваю меню. – Мне то же самое, – говорю я столу.

– Как же так? – Похоже на невинное любопытство. Может, поэтому я решаю прямо сказать ей правду.

– Я действительно не знаю, кто я. Понимаешь, мое прежнее «я» максимально стерто. Я не помню, чем занимался или даже что меня интересовало. *Tabula rasa* – это про меня.

– Ох, блин. – Мой напиток выскользнул из-за стола. Она смотрит на меня так, словно не знает, верить мне или нет. – У тебя есть семья? Друзья?

– Я даже этого не знаю. – Это малая ложь: у меня очень-очень туманные детские воспоминания, некоторые – стереотипно интенсивные, которые я пожелал сохранить любой ценой: две гордые матери наблюдают мои первые шаги на черном песчаном пляже. Имеется и безосновательная уверенность в том, что у меня были какие-то давние партнеры... может, целая гигасекунда семейной жизни. Некоторые смутные образы коллег, призраки кошек. К сожалению, что бы я ни делал, яснее картина не становится. И это досадно. – У меня есть кое-какие обрывки, но в целом такое ощущение, что до операции с памятью я был волком-одиночкой. Задроченным клерком, винтиком большой машины. Только я даже не помню, *что* это была за машина. – А это уже форменный *большой* обман.

– Это так грустно, – вздыхает Кей.

– А что было с тобой? – спрашиваю я. – До того, как ты стала ледяным упырем? Ты помнишь?

– Конечно! Я выросла в артистической труппе. У меня было много братьев, сестер и опекунов. Мы были фундаменталистами – скажи кому – стыдно станет! Я время от времени контактирую с кузенами, обмениваюсь впечатлениями. – Кей задумчиво улыбается. – Когда я была упырем, держалась за память о них. Ведь только она напоминала мне, что я – чужестранка.

– А среди упырей у тебя был, ну...

Ее лицо каменеет.

– Нет, не было.

Я смущенно отворачиваюсь. Собственно, с чего я решил, что являюсь единственным лжецом за этим столом?

– По поводу еды, – говорю я, быстро меняя тему разговора. – Я постоянно тестирую здесь разные закусовые. Вычисляю, какая лучше, а заодно разведываю, кто куда ходит. Хочешь – пойдем перекусим и встретимся с моими подругами, Линн и Вхорой? Не знаешь их? Они тоже на реабилитации, но подольше нашего. Линн занимается трудотерапией – ну, она методом проб и ошибок изменяет окружающую среду – как-то так. А Вхора учится играть на волынке.

– У вас есть какое-то место встреч? – Кей расслабляется, стоит уйти от щекотливой темы.

– Ага, есть один славный садик в Зеленом Лабиринте. Там двое парней на готовке – специализируются на исторически недостоверных блюдах индонезийской кухни. Ну, это у них развлекалово скорее – публике на потеху. Если не хочешь, можешь у них не есть. – Я поднимаю палец. – Если хочешь знать, вчера я набрел в Зеленом Лабиринте еще на одно местечко – там

уже кухня народов мира. Можно заказать себе сковородку вполне сносных калыцоне – это у них называется «сет „Бульдозерист“». Суши туда тоже входят.

Кей задумчиво кивает.

– Ну... – Она секунду мнет. Затем улыбается. – Ладно, заинтриговал. Веди меня. Поедим, а потом поведем твоих подружек.

Они не то чтобы прямо-таки подружки, скорее – люди, которые мне кивают при встрече. Но я об этом умалчиваю. Расплачиваюсь, помахав рукой перед считывателем, и мы идем через черный ход к великолепному серебряному пляжу за клубом для пациентов, а там минуем живописную арку, скрывающую ворота в Зеленый Лабиринт. По дороге Кей достает из поясного кармана – искусно замаскированного портала в частную кладовую – шаровары из батика и черный пиджак строгого кроя. Мы оба босиком, потому что, несмотря на ветерок, ласкающий кожу, и ярко светящее солнце, находимся в коконе предельно изолированной среды обитания в бескрайнем пространстве космической тьмы – настолько «в домике», насколько это в принципе возможно для живой души.

Зеленый Лабиринт – прямолинейный коллектор. Такие штуки были на пике моды где-то четыре гигабайта назад, то есть сразу после того, как послевоенная фрагментация достигла дна. Его каркас состоит из зеленых коридоров, прямых и гнувшихся под прямым углом, соединенных ошеломляющим количеством Т-ворот. На самом деле этот Лабиринт – разреженный граф, поэтому можно выйти через дверь с одной его стороны и очутиться на другой. Или на пару этажей выше, или на два поворота с прыжком и уходом за спину. В нем много жилых комплексов, в том числе черный ход в мою квартиру, и еще больше общественных мест в стиле кубизма, игровых уголков, пабов, зон отдыха, развлекательных центров, даже пара настоящих лабиринтов из живой изгороди, дотошно имитирующих стиль, который старше этого места на пару десятков терабайт.

Излишне говорить, что никто не может пройти Зеленый Лабиринт по памяти или координатам – некоторые ворота ежедневно меняют свою позицию, но мой модем подсказывает, куда идти, визуализируя светящийся курсор перед глазами. У нас уходит треть килобайта на всю дорогу, сделанную во взаимном молчании. Я все думаю, могу ли доверять Кей, но уже знаю, что она мне нравится.

Индонезийский зал – одна большая комната: старинные чугунные стулья и столы на травянистой платформе, покрытые куполом и под розовым небом, испещренным облаками угарного газа, парящими над зубчатой базальтовой пустыней. Солнце очень маленькое и яркое – вздумай купол исчезнуть, мы, вероятно, околели бы до того, как атмосфера отравила бы нас. Кей смотрит на увитую плющом декоративную арку Т-ворот и выбирает столик рядом с ними.

– Что-то не так? – интересуюсь я.

– Похоже на мой дом. – Она выглядит так, будто укусила дуриан⁵, сдуру решив, что перед ней манго. – Постараюсь не обращать внимания.

– Прости, я вовсе не хотел тебя...

– Я знаю, что ты не хотел. – Узкая кривая улыбка исказила лицо Кей. – Может, мне стоило вычистить побольше памяти.

– А вот я с вычисткой перестарался, – говорю я и прикусываю язык. Но тут к нам подходит Фрита, один из двух здешних владельцев – шеф-поваров – дизайнеров, и мы какое-то время восхваляем его последние творения. Разумеется, нам приходится испробовать плоды первого производственного цикла и поделиться подробными впечатлениями о них – пока Эри, второй заправила, стоит рядом и с гордым видом насилует мандолину.

⁵ Англичане-путешественники в XIX веке так описывали свои ощущения от знакомства с запахом дуриана: «Это может быть похоже на поедание тухлой селедки с заплесневелым сыром над открытым канализационным люком». При этом сама мякоть плода имеет очень приятный вкус.

– Перестарался, значит, – говорит Кей, когда все дела сделаны.

– Да. – Я отодвигаю тарелку. – Точно неизвестно почему. Прежний «я» оставил мне длинное и довольно расплывчатое письмо. Оно закодировано таким образом, что я точно смогу его расшифровать. Он обо всем позаботился – там полно намеков на всякий мрачнюк. «Слишком много знаешь», «работал на серьезных людей», «натворил бед»... вроде как даже урезать память и отправиться на реабилитацию – скорее вердикт его коллег, чем его самого. И амнезию ему организовали на славу. Понимаешь, Кей, насколько известно, я вполне мог быть военным преступником или кем-то подобным. Последняя гигасекунда у меня из памяти вытравлена напрочь, да и жизнь до нее полна лакун – не помню, кем я был и чем занимался во время Правок, не знаю ни друзей, ни семьи, ничего в этом роде.

– Это ужасно! – Кей кладет свои тонкие руки на мои и смотрит на меня поверх остатков исключительно вкусного салата из запечённых баклажанов с чесноком.

– Но это еще не всё. – Я смотрю на ее бокал, пустой, стоящий рядом с графином, наполненным вином. – Не хочешь еще выпить?

– С удовольствием.

Она наливает вино в мой бокал и подносит к моему рту, при этом напиваясь из собственного и не отпуская моих рук. Может, в этом плане тела с шестью конечностями хороши, хотя я побоялся бы сделать что-то подобное с собой; ей ведь пришлось претерпеть серьезные изменения в мозжечке, чтобы уметь координировать движения всех четырех рук и пары ног с такой непринужденной грацией.

– Продолжай.

– В письме есть намеки. – Я полощу рот вином. – Недвусмысленные такие. Старый «я» говорит, что меня будут преследовать его враги – такие, от которых простой дуэлью не отделаешься.

– И чем они тебе грозят? – Кей выглядит обеспокоенной.

– Ну, могут украсть мою личность, взломать и перезаписать резервную копию... – Я пожимаю плечами. – Или... не знаю. То есть я не помню. Прежний «я» был тем еще параноиком, ну, или впутался в реально грязные делишки и выбрал самый радикальный метод отступления. Ежели так, мне предстоит веселая жизнь. Стерто столь многое, что я сейчас не скажу, что именно мне грозит и почему. Я почитал здешнюю историю, но этого недостаточно, согласись. – Я сглатываю застрявший в горле неприятный ком и тут понимаю, что Кей, скорее всего, после таких откровений перестанет со мной водиться. Что за дела, неужто я волнуюсь за свой имидж – впервые за долгое время? – Знаешь, думаю, раньше я был наемником или шпионом одной из отколовшихся от Ис держав.

– Ну, дела. – Она отпускает мои руки. – Робин?

– Да?..

– Вот почему ты не делал бэкап с тех пор, как пошел на реабилитацию? И поэтому ты придерживаешься общественных мест, всегда стоишь спиной к самой прочной стене?

– Уф... да, – выдохнул я. Стало легче. Понятия не имею, почему я не признался во всем раньше. – Я боюсь своего прошлого, Кей. По ходу, оно в любой момент может восстать из могилы, наплевав на всякую редактуру памяти.

Кей встает, склоняется над столом, берет меня за руки, приближает свое лицо к моему и целует меня в губы. Через некоторое время я суетливо отвечаю ей. Верхняя пара ее рук обвивает мои плечи, нижняя жамкает бока.

– Все будет в порядке, сладкий, – шепчет она успокаивающе. – Все хорошо, я с тобой.

Конечно, в порядке ничего не будет, но Кей вправду со мной, и мой горизонт, по ощущениям, расширился вдвое. Я больше не в незримой одиночной камере, и мне есть с кем поговорить, не опасаясь допроса. Это колоссальное облегчение, гораздо более важное, чем после каких-нибудь простеньких потрахушек.

– Ладно, – говорю я, – пойдем, покажу тебе Линн и Вхору.

– Давай! – говорит она, частично отпуская меня. – Но, Робин, вот еще что. Подумай, стоит ли тебе записываться?

– Куда? – не сразу понимаю я. – А, ты про эксперимент!

– Ну да. При твоих-то проблемах! Неужели терапевт тебе не запретил?

Мы снова выходим в Зеленый Лабиринт, и я запрашиваю у модема еще один курсор.

– Наоборот, чуть ли не конфеткой поманил.

– Подумай сам – закрытое общество в изолированной ветви, с отключенными Т-воротами! Когда эксперимент начнется, никто не сможет просто так встать и уйти до конца представления. Данные будут обезличены и перемешаны, документы волонтеров защищены отделом этики Схоласти...

Тут меня осеняет.

– Кей, это даже хорошо! Если кто-то действительно преследует меня, то не сможет поймать, разве что тоже запишется на эксперимент! К тому же, сидя в изолированной ветви, я стану фактически невидимкой!

Кей с довольным видом сжимает мою руку.

– Рада, что ты разобрался самостоятельно. Итак, найдем твоих друзей! Не в курсе, к ним еще не поступали предложения участвовать?

Линн и Вхору, наслаждающихся бесконечным летним днем, мы застаем в лесистой роще. Оказывается, их обеих уже спросили, не хотят ли они участвовать в эксперименте Юрдона. У Линн орточеловеческое женское тело, и она вот-вот завершит реабилитацию. Недавно она заинтересовалась историей моды – одеждой, косметикой, тату, пирсингом и далее по списку, – и сама идея пришла ей по вкусу. Вхора – кентавр, девушка-монстр из японского комикса: огромные черные глаза, монструозные ресницы, идеальная человеческая грудь и пестрая кожа с вшитыми кевларовыми имплантатами.

– У меня был сеанс с доктором Мавридесом, – говорит Линн. У нее длинные волосы орехового цвета, бледная веснушчатая кожа, зеленые глаза, вздернутый нос и эльфийские уши; доисторического кроя платье закрывает ее от шеи до пят. Оно зеленое, что идет к цвету ее глаз. А Вхора одежду не носит. Линн обнимает ее за бок, одной рукой лениво опирается на ее спину, пальцами другой отстраненно поглаживает основание рифленого рога, который растет из лба Вхоры. – По мне, эксперимент звучит довольно интересно.

– Вообще не по мне, – замечает Вхора и вроде как улыбается, хотя наверняка сказать сложно. – История, времена до возможности морфировать тело... не... Извините, но с меня двух жизней в человеческой тушке хватит.

– Ой, Вхора, будет тебе. – Линн раздраженно вздыхает. Она надавливает ей пальцем на рог у основания, и девушка-монстр на мгновение цепенеет. – Скажи, что в этом плохого?

– А какой именно исторический период нас ждет? – осторожно спрашиваю я. Честно говоря, я сознательно игнорировал этот аспект до сей поры, пока Кей не заставила меня осознать преимущества и недостатки исчезновения в закрытой системе на несколько лет. Мне вовсе не улыбалось жить в пещере и охотиться на мамонтов с копьем – или что там Юрдон со товарищи для испытуемых приберег. Не люблю, когда меня принимают за какого-то бесхребетного типа, а у Пикколо-47 при разговоре со мной тон был покровительственный, если не сказать больше. Просто Пикколо – эталонный самодовольно-эгоцентричный эксперт-психолог, из тех, что к любому предположению о пренебрежительности своих действий относится как к проекции со стороны пациента (а следовательно, к чему-то, на что, за милую душу, можно наплевать, – и что хочется, то и воротить дальше). По моему опыту, при общении с такими людьми лучше всего вежливо соглашаться со всем, что они говорят, а затем выкидывать их слова из головы.

– Ну, всей правды нам не говорят, – оправдывающимся тоном сообщает Линн. – Но я провела небольшое исследование. Профессора Юрдона интересует та эра на Земле, о которой я мало знаю, – первый темный век индустриализации, с середины XX по середину XXI века, по хронологии старой *Zemly*. Он работает с доктором-полковником Бойтенгом, специалистом по полиморфным обществам – кастовым системам, гендерным сегрегациям, стратификациям по рождению, астрологическим данным – все в таком духе. У него недавно вышла пара статей, где он говорит, что люди в большинстве обществ до интервальных монархий не могли действовать полностью автономно, потому что имели навязанные социальные ограничения. Кроме того, подозреваю, что Схоластика финансирует это исследование, потому что оно имеет некоторые дипломатические последствия.

Я чувствую, как Кей слегка дрожит под моей левой рукой, которая обнимает ее верхнюю пару рук. Она налегает на меня крепче, а я, в свою очередь, прижимаюсь к стволу дерева за спиной.

– Общества по типу ледяных упырей, – бормочет она.

– Упырей? – эхом повторяет Вхора.

– Малотехнологичное общество, стремящееся к развитию и еще не достигшее эры техноускорения. Ни тебе думающих машин, ни виртуальных и самовоспроизводящихся инструментов. Богоподобные сущности отсутствуют, целеполагание слабое, способности к реконструкции тел после тяжелых травм – никакой. – Она слегка вздрагивает. – Упыри – пленники собственных тел, которые разваливаются при старении. Если кто-то лишается, скажем, руки, они не в силах ее восстановить. – Она чем-то сильно недовольна, и на миг я задаюсь вопросом, сколь много ледяные упыри, с которыми она жила, значили для нее, если ей пришлось очутиться здесь, чтобы о них забыть.

– Звучит фигово, – говорит Линн. – По крайней мере, такой тип интересует доктора-полковника Бойтенга. Тип систем, в которых людям недостает самоконтроля.

– И как этот эксперимент должен работать? – спрашиваю я.

– Ну, я не знаю подробности наперечет! – Линн явно буксует. – Но, если подашь заявку, тебе подсунут стопку разных тестов. Кстати, тебя отсеют, если есть родственники или близкие друзья. Эта канитель только для одиночек.

Кей на мгновение сжимает меня сильнее.

– В любом случае они делают резервную копию, и она просыпается внутри эксперимента. Они подготовили полную систему под эксперимент. В материалах пишут, что это более ста миллионов кубометров жилой площади и целая внутренняя сеть проходных ворот. Не совсем дикая местность, как необработанный планетарный биом или что-то в этом роде. Но есть несколько подводных камней. Ассемблеры отсутствуют, поэтому нельзя выбрать себе форму по собственному желанию. Чтобы получить еду, одежду, инструменты, что угодно, придется пользоваться услугами специальных ограниченных фабрикаторов, которые делают лишь то, что всем дозволено в рамках и при условиях эксперимента. Действует своя денежная система: тебе придется работать и платить за то, что потребляешь. Так надо для имитации экономики и дефицита в эру до Техноускорения. Но жести не будет – там не стремятся морить кого-то голодом. И вот еще что – всем назначают новое тело, ортогуманоидного типа, и особую роль в их задуманном сюжете. Во время эксперимента нужно этой роли придерживаться. Резервных копий, модемов или редакций самого себя не будет. То есть, если поранился – жди, пока само заживет. До Техноускорения не было А-ворот, смекаете? Но миллиарды людей в те эпохи вполне спокойно жили. В общем, ничего страшного – просто чуть больше осторожности, чтобы себе не навредить.

– Но в чем суть эксперимента? – в который раз задаюсь я вопросом. Что-то от меня ускользает – правда, не могу понять, что именно.

– Симуляция общества темных эпох, – говорит Линн. – Живешь там, соблюдаешь все тамошние правила, а за тобой наблюдают. Потом – конец, все свободны. Что ты еще хочешь понять?

– И какие правила нужно соблюдать?

Линн мечтательно улыбается, прижимаясь к Вхоре и лаская рог кентаврихи, который светится нежно-розовым светом и пульсирует в ритме движений ее рук.

– Они просто хотят воссоздать микрокосм полиморфного общества наших предков. Темные века – большая часть нашей истории, именно тогда произошло Техноускорение. Но мы так мало о них знаем! Похоже, эти ребята надеются, что понимание того, как работало то общество, объяснит, как мы пришли к тому, к чему пришли. Происхождение когнитивных диктатур, ранних колоний – вопрос в ту же копилку.

– Да я про правила тебя спрашиваю!

– Они действуют по своему усмотрению, – говорит Вхора. – Чтобы подтолкнуть испытуемых к сохранению роли, им назначают баллы за поведение в полном соответствии с тем, что известно об обществе темных веков. Если поведение выбивается за паттерн – баллы снимают. По окончании эксперимента баллы конвертируются в дополнительные бонусные деньги. Вот и все.

Я смотрю на кентавриху.

– А ты-то откуда знаешь?

– Прочитала сценарий. – Вхора одаряет меня озорной улыбкой. – Они хотят, чтобы люди сотрудничали и действовали слаженно, ничего не навязывая. Ведь в любом обществе люди нарушают навязанные правила, верно? А тут просто играет баланс между затратами и выгодами.

– Дебильная балльно-рейтинговая система? – уточняю я.

– Ну да. Для оценки прогресса. Или регресса.

– В любом случае звучит интересно, – бормочет Кей.

Она крепко меня обнимает. Полуденное солнце в роще светит мягко и желто. Хотя насекомые назойливо жужжат и кусаются, биом дает нам покой. Линн снова улыбается прозорливой улыбкой и поглаживает точку на макушке Вхоры. В этом жесте есть что-то от заигрывания, откровенно чувственное, но мне такая чувственность не подходит.

– Итак, мы в деле? – спрашивает меня Кей.

– Думаю, да. – Я помогаю ей встать, а она в свою очередь меня поднимает.

– Спасибо, что заглянула, – мурлычет Вхора, заметно дрожа, когда Линн вновь щекочет основание ее рога. – Может, останешься еще ненадолго?

– Спасибо за предложение, но нет, – мягко пасует Кей. – У меня скоро сеанс терапии. Может, в другой раз?

– Ладно, увидимся позже, – отвечает Линн.

Когда мы уходим, Вхора одной рукой расшнуровывает лиф платья своей подружки.

– Я думал, мы вместе потусуемся. А у тебя, оказывается, терапия, – говорю я, когда мы отходим на достаточное расстояние. Я протягиваю руку, и Кей крепко сжимает ее.

– Какая еще терапия?

– Ну, ты же сказала...

– Ох! Ну ты и балбес. Я наврала с три короба. Ты что, думал, я поделюсь тобой с этой хвостатой цыпочкой?

Я оборачиваюсь, прислоняю ее к стене – и внезапно ее тело наступает со всех сторон: алчные руки загибают меня, поглаживают, сжимают во всех местах, а мой рот наполняют ее непередаваемые, экзотически-пряные вкусы.

* * *

Некоторое время спустя мы оказываемся в скромной беседке в гостиной, ранее нам неизвестной, где-то в Зеленом Лабиринте; потные, голые, усталые и счастливые. Раньше я занимался этим делом только с ее ортоформой, но сейчас – иной расклад. Своими четырьмя ловкими руками она проделывает такое, отчего я готов прямо-таки голосить от восторга. Жаль, не могу ответить ей чем-то в этом роде. Может, однажды, когда я соберусь достаточно, чтобы осмелиться переключиться на ксеноморфное тело... Я редко задумываюсь о таких вещах, но Кей хорошо умеет снимать мои запреты.

После всего она отрывается от меня и обнимает.

– В эксперимент не берут пары, – тихо говорит она.

– Но ты сказала, что мне нужно поучаствовать.

– Так и есть. – Она довольно спокойно относится к этому. А я не спрашивал, было у нас все всерьез или мимоходом.

– Почему? Я вовсе не обязан...

– Если тебе угрожает опасность, я хочу, чтобы ты был там, где безопаснее.

Я кладу руку ей на грудь – и Кей вздрагивает.

– Они дадут нам другие тела, – шепчет она. – Мы, наверное, даже узнать друг друга не сможем.

– Тебя это не смутит? – обеспокоенно спрашиваю я. – Если ты стесняешься...

– Я могу притвориться, что это тщательно продуманная маскировка. Я ведь так уже делала – забыл?

Вот оно что.

– Значит, придется солгать. – Слова срываются с губ почти против моей воли.

– Почему? – спрашивает она. – Мы же не пара. – Мое сердце на мгновение замирает. – Ну, пока что.

– Ты моногамна или полигамна?

– Я могу по-всякому. – Соски под моими пальцами напрягаются. – Хотя, скажу тебе, с одним партнером легче поддерживать эмоциональное равновесие. – Я чувствую, как ее спина слегка напрягается. – А ты у нас – ревнивая натура?

Я предельно серьезно обдумываю вопрос.

– Вряд ли. Хотя... не уверен. Я слишком мало помню. Когда Линн предложила тебе с ней задержаться, я не ревновал особо. Наверное, в кругу друзей не стал бы.

– Ну и славно. – Она придвигается ко мне, затем поднимается на все четыре руки и карабкается вверх, покуда не нависает надо мной как богиня-паучиха мирского блаженства. – Так что, строго говоря, мы не сойдем, если скажем, что не состоим в длительной связи. Но ты обещаешь поискать меня там? Или после того, как все закончится? Ну, или... если вдруг кого-то из нас не возьмут?

Я смотрю ей в глаза на расстоянии в несколько миллиметров и вижу в них отражение – похоти, голода и беспокойства.

– Обещаю, Кей.

Богиня-паучиха довольно кивает и принимается улаживать меня, работая четырьмя руками, ртом, всеми доступными ей способами и конечностями. А я, самец-паучок, гадаю, в последний ли раз мы с ней видимся.

* * *

Когда после нашего свидания я иду домой один, кто-то пытается меня убить.

Несмотря на то, что я сказал Пикколо-47, до сих пор не сделал резервную копию. Этот шаг кажется мне безотзывным, как если бы означал принятие моего нового состояния. Резервное копирование собственной личности добавляет багажа, а стирание памяти лишает его. Но в моем случае мне действительно стоит сделать резервную копию, как только я вернусь в свою комнату. Кей, вероятно, было бы больно, если бы я умер сейчас и вернулся в состояние, в котором пребывал до нашей встречи. И теперь мне важно не обидеть ее.

Может, поэтому я и пережил ту атаку.

Выйдя из парка отдыха, мы разделились, застенчиво помахав друг другу, напоследок переглянувшись. Кей идет к терапевту, мне тоже лучше придерживаться своего режима чтения и учебы, который требует, чтобы я тратил на него не менее десяти килосекунд в день. Мы расстаемся нехотя, уязвленные новой чувствительностью. Я все еще не уверен, что чувствую, и меня беспокоит идея перехода в экспериментальную систему. Узнает ли она меня там? А я – ее? Заинтересуем ли мы друг друга в новых телах, в новых идейных координатах? В конце концов, мы оба – взрослые люди. Нужно вести собственную и полностью независимую жизнь. Надо будет прощаться – попрощаемся.

Мне сейчас не нужна ничья компания (кроме Кей), поэтому, идя домой через граф Т-ворот, соединяющий Зеленый Лабиринт, я врубаю на модеме режим инкогнито. Теперь для моего зрения люди – этакие столбы тумана, перемещающиеся в величественной тишине, а сетевые фильтры в их модемах точно так же «затуманивают» мою персону.

Однако не узнавать людей – не то же самое, что не знать о чьем-то присутствии. Примерно на полпути я замечаю, что один из столбов тумана следует за мной на небольшом расстоянии. *Интересненько*, отмечаю я про себя на сугубо рефлекторном уровне, о каком и не гадал до настоящего момента. Я велю модему пометить преследователя ярко-алой меткой и сообщать моим позиционным чувствам о его местоположении. Такую операцию можно повернуть, оставаясь в поле анонимности – приемчик старый, с историей. Так что я продолжаю идти, стараясь не показывать, что заметил хвост.

Вместо того чтобы вернуться тем же путем, каким прибыл, я иду через Зеленый лабиринт прямо в проход к своей квартире. Столб тумана преследует меня, и я небрежно сую левую руку в большой набедренный карман куртки, ища проход в рыхлой круговерти Т-ворот. Наступает момент, когда вокруг – никого, и мой преследователь решается атаковать. Он бросается на меня, думая, что я пребываю в блаженном неведении, да вот маркер моего модема выдает его. В левом глазу у меня есть фиксатор расстояний, и, как только он начинает сигнализировать о перемещении враждебного объекта в мою сторону, я сбрасываю режим инкогнито, разворачиваюсь и вооружаюсь.

Противник – невысокий и неприметный мужчина: кожа кофейного цвета, телосложение скорее жилистое, килт и черная жилетка на голое тело. На самом деле единственная примечательность в нем – его меч, не дуэльный, а из мономолекулярных нитей. Такой даже через алмазную броню пройдет как через мыльный пузырь. Разумеется, эта штука невидима глазу – если не считать красной бусины на острие, более чем в двух метрах над правой рукой убийцы.

Я напрягаюсь мимолетно, разряжая свой бластер, затем опускаю его и смаргиваю из глаз ужасные остаточные изображения в пурпурной гамме. Жуткий грохот, неприятный запах озона и подгоревшего мяса, отдача посылает болезненное ощущение вверх по руке. Лезвие упавшего меча высекает искры из каменного пола, и я спешу уйти с его пути – мне не хочется по глупости остаться без ноги. Я оглядываюсь в поисках других враждебно настроенных личностей.

– Подонок, – сплевываю я в сторону мистера Копченого. Я чувствую себя странно равнодушным к тому, что только что сделал, хотя мне хотелось бы, чтобы остаточные изображения исчезли быстрее – из бластера палят лишь в очках, защищающих от ярких вспышек, а у меня не было времени их нацепить. Бластер – простое оружие, маленькие Т-ворота, соединенные (через другую пару Т-ворот по принципу клапана) с конечной точкой в фотосфере изолиро-

ванной нейтронной звезды. Грязная примочка для ближнего боя – ей под силу уничтожить все, кроме полной боевой брони, и, поскольку это, по сути, лишь пара червоточин, связанных вместе суперструной, она никогда не дает осечки. Но есть и минусы. Например, сейчас у меня дикий звон в ушах. Да и кожа на лице зудит от свеженьких радиационных ожогов. Для дуэлянтов считается дурным тоном использовать бластеры или вообще что-либо, не являющееся холодным оружием. Вероятно, поэтому нападавший не ждал такого исхода.

– Никогда не ввязывайся в войнушку-пострелушку, если при себе только нож, – учу я уму-разуму мистера Копченого, отворачиваясь от останков. Его правая рука висит на стене пару секунд, раздумывая над советом, а потом отваливается и шлепается на пол.

Остальная часть моего пути домой проходит без происшествий, но, к тому времени как я добираться туда, меня трясет, а зубы стучат. Я закрываю дверь и приказываю ей слиться со стенами, затем опускаюсь на единственный стул, который стоит посреди комнаты, когда кровать не раздвинута. Знал ли он, что я не записал резервную копию? Понимал ли он, что мое прежнее «я» не стерло все мои защитные рефлексy или что я знал, где достать бластер в Невидимой Республике? Понятия не имею. Что я точно знаю – так это то, что кто-то только что пытался убить меня тайком, без свидетелей – и без обычного воскрешения после дуэли. Это говорит о том, что кто-то хочет вывести меня из игры и самостоятельно покопаться в моих резервных копиях. Кража такой информации – серьезное преступление против личности, которое в большинстве государств оценивается на несколько степеней тяжелее убийства.

Что ж, кажется, дело решенное – придется сделать резервную копию, а затем искать убежища у Юрдона. Будучи изолированным государством, отключенным от коллектора на время выполнения исследовательского проекта, его экспериментальный полигон должен быть настолько безопасным, насколько это вообще возможно.

Если только никто из моих врагов не зарегистрируется там вслед за мной.

3. Нуклеарность

Выполнить резервное копирование предельно просто, но трудно справиться с его последствиями.

Вам нужно найти А-ворота, которые могут построить резервную копию (что просто означает, что их кабина должна быть достаточно большой, чтобы в ней мог разместиться человек, и что они не проходят как ворота специального назначения – военные, скажем). Такие можно найти в каждой квартире реабилитационного комплекса; они используются для фабрикации мебели и провизии, а также разложения людей на атомы и их дальнейшего объединения в прежнее целое. Займите кабину и попросите модем произвести резервное копирование – просто как апельсин. На это уйдет некоторое время – все-таки не чудеса червоточин, а разборка и копирование на наноуровне. Однако неприятных ощущений, связанных с тем, что вас погружают в синюю слизь-фабрикатор, пожирают, оцифровывают и снова исторгают наружу, не будет – модем «отключит» вас, едва начнет загружать в буфер данные вашего вектора состояния нейронов.

Меня беспокоит именно этот временной промежуток. Я не люблю «выпадать» даже на некоторое время, особенно когда неизвестный враг хочет украсть мою личность. С другой стороны, было бы безрассудно отказываться от резервной копии при таких подозрениях. Если кому-то все же удастся грохнуть меня, я хочу, чтобы наследующая меня копия знала, что происходит, – и помнила о Кей. Однако я принимаю некоторые меры предосторожности. Перед тем как войти в кабину, приказываю фабрикатору кое-что изготовить – невинные с виду вещички, превращающиеся в очень коварные и жестокие ловушки. Найдя им место, я делаю глубокий вдох... стою неподвижно долю килосекунды, глядя на зовущее нутро кабины. Ничего серьезного – просто надо унять мандраж.

И вот я захожу.

– Резервное копирование, – даю голосовую команду.

Появляется сиденье, я устраиваюсь на нем, дверь закрывается, мигает табличка с надписью «ЗАНЯТО». Я успеваю увидеть только молочно-голубую жидкость, выступающую из трещин в полу – потом все вокруг сереет, а мозг чувствует себя донельзя уставшим.

Теперь о последствиях. Через мгновение вы должны проснуться ошеломленными и немного потными. Дверь открывается, и вы идете в душ, чтобы смыть гель, оставшийся от ворот. Вы потратили, может, тысячу секунд на то, чтобы мембрана, покрытая несколькими тысячами триллионов автоматических демонтирующих головок, размером с белковое соединение – каждая, пережевывала вас нанометр за нанометром, возвращая к форме молекулярного сырья, при этом фоновым процессом сохраняя ваш вектор состояния для загрузки в новую копию. Однако вы этого не замечаете – все это время ваш мозг, условно говоря, мертв. Ну а потом А-ворота открываются, и вы можете продолжать жить дальше – как жили до резервного копирования. Конечно, есть некоторый дискомфорт, да и тело на первых порах кажется совершенно...

Чужим.

Я пытаюсь встать слишком быстро, и у меня подгибаются колени. Кружится голова, я падаю на стену кабины, но, ударяясь о нее, понимаю, что слишком низок. На данном этапе я все еще только чувствую, а не осознаю. Другое дело: снова сажусь, но кабина неприятно узкая, а у меня слишком широкие бедра и чересчур короткое туловище. И это не всё. Руки странные: человеческие, но совсем другие. Я поднимаю руку, кладу ее себе на колени; мои бедра кажутся слишком толстыми, но есть еще кое-что. О, понимаю я, просовывая руку между ног. Да я ведь уже не парень. Я – женщина. Поднимаю вторую руку и нащупываю грудь. Самка, ортогуманоид.

Ну, раньше-то я и был... *была* ортоформой. Понятия не имею, когда и как долго, и это вряд ли моя предпочтительная форма существования, но жить можно. А потом в голову влетает очевидный вывод из всего этого безобразия, и я в ужасе вскакиваю на ноги – тут же в глазах темнеет, пол и стены норовят врезаться мне по лицу. Кто-то саботировал мою резервную копию! И вот – вторая запоздалая мысль: я – дубль. Моя первая копия умерла за ненадобностью.

– Эх, – выдыхаю я, привалившись спиной к белой дверце кабины. Мой голос жутко странный – выше на октаву, писклявый какой-то. – Охренеть и назад не выхренеть...

Я не могу торчать тут вечно и уже точно не увижу ничего хорошего, когда открою дверь. Преодолевая нарастающий ужас, я нажимаю замок. И примерно в этот момент понимаю, что на мне ничего нет. Это неудивительно – моя куртка была сделана из Т-ворот, а это одна из вещей, которые не могут сделать фабрикаторы. Штаны тоже исчезли, а они были из простой ткани. Кто-то меня хорошенько и основательно взломал, осознаю я с нарастающим страхом. Дверь открывается, выпуская воздух, охлаждающий влажную кожу. Я моргаю и оглядываюсь. Как и в моей квартире, на низком столике рядом со стулом есть только планшет, а ловушек и двери в стене уже нет. Присмотревшись, я вижу, что все другого цвета, да и стул не такой, как раньше.

Смотрю планшет. Вверху мигает красный текст: *К ознакомлению – немедленно.*

– Ага, подождете. – Я смотрю на дверь, вздрагиваю и иду в ванную. Тот, кто хакнул меня, явно не торопился. Я тоже не буду. Вот соберу свои мысли в кучку, а потом переговорим с глазу на глаз.

Ванные комнаты в комнатах пациентов однотипные: белое керамическое яйцо с водяными и воздушными форсунками, освещенное рассеянным светом и укомплектованное датчиками движения. Делаю воду погорячее, пускаю мощную струю. Стою под ней, дрожа от страха, пока моя кожа не делается румяной и скрипуче-чистой.

Кто-то взломал меня, и я ничего не могу с этим поделать. Все, что мне остается, – преодолеть препятствия, уготованные мне. И надеяться на легкую смерть в случае чего. Сопротивление, как говорится, бесполезно. Если уровень доступа к моим резервным данным таков, что кожаный меч перековали на живородящее орало, злоумышленники могут делать со мной все, что угодно, хоть в крендель гнуть. Редактирование памяти? Легко. Создание нескольких независимых копий? За здорово живешь. Можно вообще зомби из меня сделать и управлять, как каким-нибудь сраным игровым персонажем. А потом шантажировать тем, что я натворил в зомби-состоянии. Раз меня разбудили у А-ворот в другой комнате – значит, и мой статус-вектор скомпрометирован. Я могу убежать тысячу раз, подвергнуться тысячекратным пыткам, и все равно меня в конце концов снова бросят в эту каморку. Как в тюрьму.

Кража личных данных – ужасное преступление.

Прежде чем выйти из ванной, я внимательно изучаю свое новое тело. В конце концов, я вижу его впервые, и у меня неприятное предчувствие, что оно мне что-то скажет об ожиданиях моих похитителей.

Итак, я обладаю характеристиками ортогуманоидной женщины: рост снизился сантиметров на пятнадцать, тело осесимметричное, кожа и волосы – просто загляденье. Тело хорошее, крепкое, не сексуализированное сверх меры – на куклу для потрахушек я не похожа. У меня широкие бедра, узкая талия, грудь больше, чем я бы выбрал, высокие скулы и полные губы; кожа бледнее, чем мне хотелось бы. Новый лоб гладкий и высокий, морщин над голубыми европеоидными глазами не видать. Каштановые волосы падают на плечи. На фигура такие длинные? А ногти на руках и ногах короткие – что-то не бьется, это непрактично с точки зрения самообороны. Я вытягиваю руки над головой и чувствую шок. Я слабачка – на верхней части тела почти нет тренированных мышц.

Итак, подведем итог: я невысокая, слабая и безоружная, но симпатичная – в ретростиле, по-старомодному...

– Отличный, мать вашу, подгон, – рычу я отражению в зеркале. Затем я возвращаюсь в спальню, сажусь и смотрю на планшет.

К ознакомлению – немедленно, – все так же настаивает он.

– Ну, погнали, родимый. – Я нажимаю на надпись, и по экрану бегут строчки:

Уважаемый Участник!

Благодарим за согласие участвовать в экспериментальном режиме Юрдона—Фиоре—Хант (если вы не помните, что давали свое согласие, нажмите ЗДЕСЬ, чтобы прочитать заявление, которое вы подписали перед последним резервным копированием). Надеемся, что вам понравится в нашем эксперименте. Мы подготовили для вас вводный курс доктора Фиоре. Первая лекция начнется через 1294 секунды. В интересах надлежащего погружения в роль советуем вам уже сейчас надеть полагающуюся Вам по роли ретроодежду (см. ящик под стулом).

После лекции состоится приветственный фуршет, где у Вас будет возможность встретиться с другими участниками эксперимента, задействованными на данный момент.

Я моргаю. Перечитываю сообщение, стремясь найти хоть какую-нибудь зацепку или двусмысленность. Ни хрена я не подписывала! Или... подписывала? Похоже, все-таки подписывала – или это последствия взлома. Я жму на ссылку – всё чин чинком: мой уникальный 16-значный идентификатор и отпечаток пальца в придачу, распознаваемые модемом как легитимная подпись. Я подписала контракт, где говорится, что я обязалась жить в экспериментальной подсети под вымышленным именем Рив в течение следующих... ста мегасекунд? *Три года?* И пока я там, мои гражданские права регулируются двусторонним соглашением: я не отказываюсь от основных прав разумного существа, меня нельзя пытать и подвергать промывке мозгов, но и сложить обязанности испытуемого я не могу, если на то не даст добро вышестоящее руководство проекта.

Я ловлю себя на том, что учащенно дышу, колеблясь между облегчением оттого, что не стала жертвой кражи личных данных, и опасением из-за масштабов того, на что я подписалась. У них есть право в одностороннем порядке изгнать меня (это нормально – если захочу выйти из игры, надо просто всех достать) и диктовать мне, в каком теле жить. Расклад максимально хреновый: в ряде прочих драконовских положений я с огромным неудовольствием нахожу согласие на контроль моих действий путем непрекращающегося и повсеместного наблюдения. Мой тематический раздел – «Паноптикум Темных Веков». Интересно, что меня вообще туда толкнуло? Мелким шрифтом в соглашении набран пункт «Компенсационные льготы».

Ага.

Во-первых, сама Схоластия гарантирует участникам эксперимента все компенсации и готова ответить на любые претензии. Так что, если мои права будут ущемлять, я могу на них подать в суд – а глубина карманов у ребят, я так понимаю, приближается к бесконечной.

Во-вторых, вознаграждение крайне удовлетворительное. Произвожу краткие подсчеты и выясняю, что за три года пребывания в клетке для хомячков мне сулят сумму, коей хватит на безбедное существование на свободе на срок, минимум в три раза больший.

Успокаиваюсь понемногу. Никакого взлома – я пошла на это добровольно, и у затеи даже есть плюсы. Мое второе «я» не рехнулось – уже плюс. Мне приходит на ум, что плохим парням, кем бы они ни являлись, будет очень трудно добраться до меня внутри экспериментального государства, доступ к которому возможен только через единственные Т-ворота, охраняемые брандмауэром и лучшими силами Схоластии.

Предполагается, что я играю роль персонажа исторического периода, в который мы якобы живем: ношу тело, которое не похоже на мое; использую псевдоним и фальшивую личность и не обсуждаю внешний мир ни с кем в исследовании. Это значит, что любой враг, явившийся по

мою душу, столкнется с колоссальной болью в заднице – не зная, как я выгляжу, не имея права расспросить тех, кто знает, в нужном ему контексте, да и без толкового оружия он едва ли меня прищучит. В общем, если пан, я буду на коне, а если пропал – может, что-то прояснится с моей личностью. Вероятно, мне даже позволят сохранить полезные воспоминания.

Я достаю обещанный ящик с одеждой и морщу нос. Барахлишко не воняет – оно просто *странное*, зато исторически точное, как планшет и обещал. В комплекте – странная черная туника, предельно просто скроенная, оставляющая руки и голени голыми (верх непрактичности) и черная куртка, которую можно одеть поверх. Обувь – пара черных лакированных лодочек, функциональных лишь в зоне сильной гравитации, но с причудливыми заостренными носками и каблуками, сужающимися к острию длиной в три-четыре сантиметра. Нижнее белье довольно простое, но требуется время, чтобы понять, что ноги нужно просунуть в фигию из растягивающегося нейлона. Ноги, кстати, без плотного волосяного покрова – таковой у меня только на голове. Да, это ортотело со всеми вытекающими последствиями, но не такое пропащее, если подумать. Я качаю головой.

Страннее всего то, что ткань предельно тупая – и грязь не отталкивает, и кожные бактерии не жрет, уже не говоря о том, чтобы реагировать на обновление стиля или настрой того, кто ее носит. Никаких вместительных карманов: Т-ворота нигде не предусмотрены – ни в рукавах, ни в подкладке куртки. Когда их изобрели-то? Может, на мой век перепадет нормальная интеллектуальная одежда. Я полностью облачаюсь, оглядываю себя в зеркале в ванной. С волосами такой длины меня ждет много проблем, но никаких средств для их нормальной организации, кроме эластичного каучукового кольца, мне не дали. Ладно, пока и так сойдет – потом обрежу до разумных пределов.

Что ж, теперь мне ничего не остается, как пойти на ознакомительную лекцию и «приветственный фуршет». Так что я беру свой планшет и через дверь покидаю комнату.

* * *

По ту сторону двери – длинная узкая зала. Я только что вышла из одной из дюжины дверей на трех стенах, покрашенных в стерильный белый цвет. Пол выложен плиткой из черного и белого мрамора. Четвертая стена напротив моей двери покрыта чем-то, в чем я через некоторое время различаю листы дерева – настоящего мертвого дерева, срубленного и расколотого на щепки, – с двумя проходами по обе стороны. Видимо, где-то там и будет лекция. Хотя я не понимаю, почему бы не провести ее онлайн. Я иду к ближайшей открытой двери. Меня раздражают мои туфли – они издают неприятное цоканье при каждом шаге.

В центре большого зала уже сидят семь или восемь человек на выставленных в несколько рядов и, казалось бы, неудобных стульях, обращенных к подиуму на фоне покрашенной в белый цвет стены. Мы – нужно привыкнуть к тому, что я вызвалась добровольцем, хотя сейчас я себя так не чувствую, – все тут более-менее одинаковые мужчины и женщины в глупых ретро костюмах. Кажется, они руководствуются неким сложным набором правил, определяющих, кому какую одежду разрешено носить, и все мы носим удивительно много тряпок, хоть и находимся в среде обитания с контролируемой атмосферой. У женщин – цельные платья или юбки до колен в сочетании с блузками, закрывающими верхнюю часть туловища. Мужчины носят подходящие по цвету комплекты брюк и курток с рубашками под ними; пояса и воротники выглядят до ужаса неудобными. По большей части одежда – черно-белая или серо-белая, невероятно бесцветная.

Помимо исторических костюмов, наблюдается ряд других аномалий. Насколько я могу судить, ни у кого из мужчин нет длинных волос, а у женщин – коротких. Несколько голов поворачиваются, когда я вхожу, но я не чувствую себя не к месту, хоть и собрала свои лохмы в хвост. Просто еще одна обезличенная фигура в ретроприкиде.

– Лекция здесь будет проходить? – спрашиваю я ближнего ко мне мужчину. Он среднего роста – точно не выше, чем я была раньше, но теперь я смотрю на него снизу вверх. У него черные волосы и аккуратно подстриженная растительность на лице.

– Думаю, да, – медленно говорит он, пожимая плечами, прежде чем неуверенная мина искажает черты его лица. Ну, в таком глухом наряде еще не так скривись. – А вы, получается, только-только пришли? Я после последнего сохранения нашел у себя планшет, прочел вот...

– Ага, я тоже, – отвечаю ему. Я сжимаю планшет под мышкой и улыбаюсь ему, чуть наклонив голову. Я могу распознать нервозность по голосу, и этому большому парню так же неудобно, как и мне. – Не помните, как подписывались на эту канитель, да?

– Что, выходит, я не один? – По его лицу расплывается облегчение. – Я проходил реабилитацию, – поспешно объясняет он. – Как раз оправлялся от последствий стирания памяти. И вот я здесь...

– Аналогично, – говорю я, теряя интерес. – Так когда тут все начнется?

Дверь, которую я не заметила, открывается в белой стене за нашими спинами, и входит толстый мужчина, ортогуманоид. На нем – длинный белый плащ, застегнутый спереди на архаичные пуговицы; двигаясь, он раскачивается из стороны в сторону, как раздутая самодовольная амфибия. Черные волосы редкими жирными прядями ниспадают по обе стороны от его лица – они длиннее, чем у всех мужчин здесь. Он подходит к трибуне и мерзко кричит, чтобы привлечь внимание.

– Привет всем. Я рад, что вы согласились прийти на мою небольшую вводную речь. Хочу извиниться за то, что заставил вас прийти лично, но наш исследовательский проект выполняется в условиях строгой согласованности, поэтому мы сообразили, что не должны выходить за рамки функциональных параметров смоделированного общества. В нем бы всё устроили именно как личную встречу, так что... не могли бы вы сесть?

Чтобы занять все места, нужно время. Я приземляюсь в первом ряду между Большим Парнем и женщиной с бледной веснушчатой кожей и рыжими волосами, совсем как у Линн, но в кремовой блузке, темно-сером жакете и юбке. Я не понимаю стиля – он вертикально несбалансированный и, честно говоря, слегка чужаковский. Однако мало чем отличается от того, что мне дали надеть, поэтому, наверное, соответствует реалиям эпохи. Неужели так сильно изменилось наше чувство эстетики, задаюсь я вопросом.

– Я доктор-майор Фиоре, – начинает речь тип на трибуне. – Вместе с профессором-полковником Юрдоном я разработал протокол нашего эксперимента и нахожусь здесь, чтобы объяснить вам, чего мы пытаемся достичь, хотя не ждите от меня разъяснений по вопросам, которые могут повлиять на ваше поведение в экспериментальной среде. Рассчитываю на понимание. – Он улыбается, будто только что пошутил. – Итак, первые темные века. – Когда он собирается изречь что-то, кажущееся ему важным, выпячивает грудь и делает глубокий вдох. – Первые темные века длились около трех гигасекунд, по сравнению с семью гигасекундами, ушедшими на Войну Правок. Но в перспективе они заняли почти половину эры Техноускорения, так называемый конец двадцатого – начало двадцать первого века по исторической хронологии. Если мы проследим исторические записи от дотехнологической эры до первого темного века, то обнаружим, что наблюдаем за людьми, которые жили как обезьяны с технологической поддержкой. Такие нетипично умные приматы со сложными механическими инструментами, но в основном не изменившиеся с момента появления вида. Затем, когда мы смотрим на тех, кто вышел из первого темного века, обнаруживаем, что наблюдаем за людьми, похожими на нас, поскольку мы живем в современную эпоху – эру эмоциональных машин, как назвал ее один шаман темного века. В исторических записях есть пробел, который переходит прямо от угольных чернил на спрессованных из древесины листах к алмазным процессорам, и где-то в этом промежутке затерялся генезис постчеловеческого состояния.

Большой Парень что-то бормочет себе под нос. Мне требуется мгновение, чтобы прочесть по губам: *экий напыщенный болван*. Я подавляю смехок – все-таки болван, может, и напыщенный, но следующую десятую долю гигаекунды мое будущее окажется в его руках. Стоит послушать, что он там говорит.

– Мы знаем, почему наступил темный век, – продолжает Фиоре. – Наши предки позволили своим архитектурам хранения и обработки данных бесконтрольно распространяться, а они, как правило, выбрасывали старые технологии вместо того, чтобы их виртуализировать. По соображениям коммерческой выгоды некоторые из крупнейших компаний намеренно создали несовместимые информационные форматы и заперли в них огромное количество полезного материала, так что, когда новые архитектуры заменили старые, данные стали недоступны. Это особенно сильно сказалось на нашей осведомленности о домашнем укладе второй половины темного века. На ранних стадиях у нас в достатке видеоинформации, заснятой любителями и энтузиастами. Они использовали штуку, называемую кинокамерой, которая снимала изображения на фотохимической среде и делала их доступными невооруженному глазу. Но потом появился новый носитель – магнитная лента, подверженная легкой порче, а далее они перешли на цифровое хранение, что не сыграло нам на руку, ибо по в высшей степени неясной причине все эти данные наглухо зашифрованы. То же – с аудиозаписями и текстовыми сообщениями. По иронии судьбы, мы знаем гораздо больше об их культуре в начале темного века, примерно в 1950 году по старому стилю, чем о конце темного века, который пришелся ориентировочно на 2040 год.

Фиоре делает паузу. Несколько человек позади меня тихо бормочут. Он выглядит немного раздраженным из-за того, что люди не ловят жадно каждое его слово. Что до меня, я им очарована, но ведь я когда-то была историком, хотя и изучала совсем другое.

– Вы дадите мне закончить? – резко спрашивает Фиоре, тараща на женщину в ряду позади меня.

– Только если ты скажешь, какое это имеет к нам отношение, – нагло отвечает она.

– О, я скажу. – Фиоре снова набирает полную грудь воздуха и расправляет плечи. – Вам предстоит жить в темные века – смоделированной американско-европейской культуре, подобной той, что существовала в период с 1950 по 2040 год, – выплевывает он. – Я пытаюсь донести до вас, что вы все будете погружены в нашу лучшую реконструкцию среды по доступным источникам. Эксперимент имеет социологическую и психологическую направленность – то есть мы будем наблюдать за тем, как вы друг с другом уживаетесь и взаимодействуете. Вы получаете очки за жизнь в роли, что означает подчинение основным правилам общества, и теряете их за выход из роли. Ваш индивидуальный результат влияет на успех всей группы – круговая порука в чистом виде. Ваша группа числом в десять человек – одна из двадцати, которые интегрируются в среду в ближайшее время, – будет встречаться на собраниях раз в интервал – по так называемым воскресеньям, в районном центре, называемом Церковью Назарета, – и обсуждать то, что выучили. Чтобы симуляция работала лучше, в ней много неписей ⁶ – просто устроенных зомби, контролируемых свыше. Вы будете чаще контактировать с ними, чем с другими реальными участниками эксперимента. Вся окружающая среда размещена в серии жилых сегментов, соединенных воротами, и создает иллюзию географической непрерывности, как на поверхности традиционной планеты. – Он немного успокаивается. – Есть вопросы?

– Каковы основные правила сообщества? – спрашивает темнокожий мужчина в светлом костюме из задних рядов. Похоже, он озадачен.

⁶ Устоявшийся неологизм, образованный по принципу фонетического сходства с аббревиатурой NPC (англ. Non-Playable Character – неигровой персонаж, или персонаж, которым не управляет живой игрок). Обозначает «прописанного» персонажа в видеоиграх, чьи действия жестко предопределены искусственным интеллектом игры и лишены всякой «сценарной непредсказуемости».

– Вы их сразу узнаете. Они в значительной степени обусловлены экологическими ограничениями. Если потребуются разъяснения, мы все сообщим вам через сетевой канал или одного из зомби. – Теперь голос Фиоре звучит еще более самодовольно.

– И что мы там будем делать? – спрашивает рыжеволосая штучка, сидящая в одном ряду со мной. Голос у нее слегка настороженный – или мне так кажется. – Не только же правила соблюдать, верно? Вы нас туда надолго отправляете, как ни крути.

– Нет, соблюдения правил вполне достаточно. – Фиоре натянуто улыбается. – Среда, в которой вы вот-вот заживете, – формальное, подчиненное строгим ритуалам общество, с большим вниманием к личным отношениям и социальному статусу, где определяющим фактором зачастую может выступать чистейшая генетическая лотерея. Ключевой ячейкой в этом обществе является так называемая нуклеарная семья. Это гетероморфная структура, основанная на мужчине и женщине, живущих в тесном помещении. Обычно один из них занимается полуритуальным трудом, чтобы добыть деньги, а другой выполняет социальные и домашние дела, воспитывает детей. Ожидается, что вы будете вписываться в данный тип общества, хотя воспитание детей, очевидно, не является принудительным. Мы заинтересованы в изучении стабильности таких отношений. В ваших планшетах вы найдете копии нескольких книг, переживших темные века.

– Хорошо. Итак, мы формируем эти, э-э-э, нуклеарные семьи, – обращается к Фиоре дама с заднего ряда. – И что дальше?

Фиоре пожимает плечами.

– Ничего особенного. – Его вдруг явно посещает какое-то прозрение. – Вообще-то вру – особенность есть. Вы будете учиться жить с медицинскими ограничениями темных веков! Зарубите это на носу! Вы можете погибнуть в ходе несчастного случая. Или, что еще хуже, получить травму, делающую вас недееспособным. Вы не сможете получить доступ к ассемблерам во время эксперимента, поэтому не стоит пытаться модифицировать свое тело, так как существовавшие в то время медицинские технологии – лютей примитив. С этого момента вы также не сможете получить доступ к своим модемам.

Я пытаюсь проверить его слова на вшивость. Модем не отвечает, и я нервно задаюсь вопросом, не оглохла ли, а потом понимаю, что Фиоре ни словом не лжет! Здесь нет сети.

– Теперь они нужны только для сообщения вам социального рейтинга и ни для каких других целей. Здесь есть в наличии примитивная диалоговая сеть между проводными терминалами, но от вас не ждут, что вы будете ее использовать. – Фиоре довольно разводит руками. – А теперь – обещанный фуршет. Предлагаю вам познакомиться, затем каждый выберет себе партнера и войдет в эту дверь, – он указывает на дверь по другую сторону белой стены, – которая приведет вас в ваше основное место жительства. Не забудьте взять свои планшеты и прочесть краткое руководство по обществу темных веков. – Он быстро оглядывает комнату. – Если больше нет вопросов, я пойду.

Сзади поднимается пара рук, но, прежде чем кто-нибудь успевает окликнуть его, он поворачивается и ныряет в дверь, из которой вначале вышел. Я смотрю на рыжую в одном ряду со мной.

– Быстренько отбарабанил, – говорит она. – Что теперь?

Я бросаю взгляд на Большого Парня.

– Что думаешь по этому поводу?

Он встает.

– Я думаю, мы должны сделать так, как он сказал, и поесть, – медленно говорит он. – И поговорить. Я Сэм. Как тебя зовут?

– Я Р-Рив, – говорю я, запинаясь на имени, которое, если верить планшету, должна использовать. – А ты, – добавляю я, глядя на рыжую, – ты у нас?..

– Ты можешь звать меня Алисой. – Она встает. – Пошли. Давайте посмотрим, кто еще здесь есть, и познакомимся с ними поближе.

* * *

Во второй комнате есть два длинных стола, заваленных тарелками с холодными закусками, фруктами, сыром – сильно пахнувшей застывшей субстанцией, сделанной из чего-то сброженного, что я не узнаю, – и уставленных бокалами вина. Нас десять человек, пять мужчин и пять женщин. Мы разбились на группы по обе стороны комнаты. Помимо рыжеволосой Алисы, есть Энджи (темная кожа, вьющиеся волосы), Джен (пухлое розовое лицо и светлые волосы, даже более пышные, чем у меня) и Касс (прямые черные волосы, бледная донельзя кожа, мрачное выражение глаз). Все мы чувствуем себя слегка неудобно, наши движения нервны и прерывисты; все ерзаем в своих новых телах в некрасивой одежде. На мужской половине – Сэм (его я уже встречала), Крис (черный с задних рядов), Эл, Фэр и Майк. Я пытаюсь отличить их по цвету костюмов и галстуков, но это трудно сделать – короткие волосы придают им вид однотипных дронов. *Должно быть, Фиоре изучает предельно конформистскую эпоху*, подумала я.

– Итак. – Алиса оглядывает нашу маленькую группу и улыбается, затем берет кусок сыра с тарелки из целлюлозы и задумчиво его грызет. – Что мы делаем?

Энджи достает планшет из небольшой сумки, висящей на плече. Если нечто похожее и было в моей комнате, я не заметила. Так, нужно быть внимательнее.

– Вот список для чтения, – говорит она, осторожно постукивая пальцем по экрану. Я смотрю через ее плечо на скользящие изображения страниц древних документов. – О, и еще тут странное словечко «жена». Что такое «жена»?

– Думаю, я знаю, – говорит Касс. – Это что-то связанное с этой, как ее, семьей. Когда партнеров всего двое и они связаны морфологически, женщина является женой, а мужчина – мужем. Половая традиция как у ледяных упырей.

– Нельзя говорить о внешнем мире, – обеспокоенно замечает Джен.

– Но тогда у нас не будет эталонной меры для всего, что мы попытаемся понять о мире эксперимента, верно? – говорю я, не глядя на Касс.

Кей, ты ли это? Возможно, просто совпадение – то, что она знает о ледяных упырях. Около двух гигасекунд назад, когда только-только открылся факт их существования, они произвели нехилый фурор. Но возможен и другой расклад: враги узнали про Кей и послали за мной охотника за головами, в качестве наживок вооруженного всеми знаниями, какие можно было достать из ее головы...

– Интересно, откуда у них эти книги, – говорю я. – Здесь есть только даты выпуска и примерный тираж. Можно заключить, что они были более-менее популярными. Но точно ли в них описана социальная система – другой вопрос.

– Какая разница? – небрежно бросает Джен. Подхватывая бокал, она плещет в него вином соломенного цвета из стеклянного графина. – Дайте мне мужа, а уж в деталях я сама разберусь. – Усмехнувшись, она залпом выпивает вино.

– Смотрите-ка, – Касс хмурится, – у них за один день считается двадцать четыре часа, а не двадцать семь. Вот лентяи. И еще у дней есть названия – сегодня, получается, у нас четверг – четвертый по счету. О, недели оговорены! Неделя – это семь дней, мы должны встретиться в первый из них, то есть через 250 килосеку... гм, дней от сегодняшней даты.

– И что? – Джен наливает себе вина.

Касс задумывается.

– Если мы будем играть семьями, то, наверное, нужно разбиться на пары и разойтись по квартирам, которые нам дали. Немного узнать друг друга и выяснить, что мы на самом деле

должны здесь делать. Кроме того, надо посмотреть, есть ли толк от наших мужчин, а то ведь всякое бывает...

– Никто тебя за язык не тянул. – Ухмыльнувшись, Джен уходит с бокалом в руке к группе представителей противоположного пола, собравшейся в другом конце комнаты. Энджи крутит-вертит планшет и выглядит самой неуверенной. Алиса уплетает сыр. А меня тошнит от одного взгляда на эту фигню – вкус у нее отвратный.

– Я... не привык... ла с кем-то жить, – медленно выговариваю я.

– В этом нет ничего плохого. – Касс кивает. – Я тоже думаю, что способ объединения в пары очень уж форсированный и отдает произволом.

Алиса кладет руку ей на плечо, успокаивая.

– У отношений полов в правилах нет четких рамок, – говорит она. – Если ты выбрала мужа и не поладила с ним, можешь махнуть на другого на этом церковном собрании.

– Наверное, это хорошо. – Касс отступает в сторонку и нервно разглядывает толпу мужчин и Джен, громко смеющуюся, когда сразу двое пытаются налить ей в бокал еще вина. – Наверное.

Алиса выглядит недовольной.

– Хочу узнать, что у них там за сговор. – Она идет за Джен, а я остаюсь с Касс и с Энджи. Последняя, погрузившись в себя, поспешно пролистывает какой-то текст на своем планшете. Первая чем-то явно встревожена.

– Расслабься. Думаю, у них все должно быть сносно, – машинально говорю я.

Чуть вздрагивая, Касс обнимает себя за плечи.

– А что, может быть иначе? – спрашивает она с опаской.

– Да не, не думаю. – Я тщательно выбираю слова. – Эксперимент-то контролируемый, если прочтешь согласие, узнаешь, что в основных правах нам никто не отказывает. Если что-то пойдет по наклонной, дирекция обязана вмешаться.

– Фу, ну и хорошо, – выдыхает Касс.

Я внимательно смотрю на нее.

– Слушайте, нам каждой надо выбрать мужа, – указывает Энджи. – У последней не останется выбора – придется забирать всеми отвергнутого... по какой бы то ни было причине. – Она настороженно переводит взгляд с меня на Касс. – Я пошла.

Я отворачиваюсь от нее и смотрю на Касс.

– Ты говорила про ледяных упырей...

– Забудь. – Она прерывает меня резким жестом. – Может, Джен и права. – Ее голос отчего-то звучит подавленно.

– Знаешь еще кого-нибудь из участников? – наугад спрашиваю я, а потом жалею, что у меня сорвалось это с языка.

Касс хмуро смотрит на меня.

– Очевидно, что нет, иначе они не допустили бы меня к участию. – Затем она отводит взгляд, медленно и многозначительно. Я прослеживаю за его направлением. В одном углу из потолка проступает незаметная черная полусфера. Она расправляет плечи. – Так что всем нам придется знакомиться с нуля.

– Если ты беспокоишься о последствиях парных отношений, я не понимаю, почему бы мы не могли пожить в одной квартире пару дней, – предлагаю я. Сердце колотится, а ладони становятся липкими. *Ты действительно Кей, Касс?* Я почти уверена, что так и есть, но она скупа на слова, осторожничает. Если я начну задавать слишком наводящие вопросы, рискую засветить свою личность врагу, охотнику – если таковой здесь взаправду есть.

– Не думаю, что это дозволено правилами, – осторожно говорит она, кротко кивает в мою сторону, затем – на остальных, к этому моменту весьма оживленно болтающих. – Может, пойдём и посмотрим, с кем они нас свели?

На другом конце комнаты выясняется, что Джен худо-бедно растопила лед, устроив всем мужчинам минисоревнование в демонстрации своих достоинств: они поочередно наливали вино в бокал и как можно более элегантно подавали ей. Излишне говорить, что она – вонючая пьяница, но хотя бы веселая. Похоже, ее выбор – Крис-с-заднего-ряда; жертва немного смущена ее выходками, но Алиса и Энджи отрезали пути к отступлению, плотно занявшись остальными. Большой Парень Сэм напряженно стоит, прислонившись спиной к стене, и выглядит почти таким же встревоженным, как и Касс. Оглядываю его, мысленно пожимаю плечами и подхожу, минуя самоорганизовавшуюся свиту Джен.

– Она – тусовщица, – сообщаю я.

– Э-э-э... да – так и есть. – Он держит пустой бокал и чуть покачивается. Может, ноги болят. Трудно прочесть, что написано на его лице: черная грива вокруг рта прячет от взгляда важную часть мимических мышц. Но счастливым этот здоровяк точно не выглядит. Готова спорить, если пол развернется под ногами и поглотит его, Сэм напоследок улыбнется с облегчением.

– Послушай. – Я касаюсь его руки. Как и ожидалось, он напрягается. – Пошли. Давай сюда, в сторонку. Ненадолго. Ну, пожалуйста.

Он позволяет мне увести себя от роя ортогуманоидов, силящихся прорваться через социальный пояс астероидов.

– Что думаешь про эксперимент? – тихо спрашиваю я.

– Он меня в дрожь вгоняет – вот что. – Сэм смотрит сначала на дверь, потом на меня. Ну, тут все ясно.

– Мне, если что, не лучше. Да и на Касс – взгляни на нее. Думаю, и Джен просто... рисуется. – Я киваю на группу в другом конце комнаты.

– Я прочел часть наших вводных. – Он качает головой. – Совсем не то, чего я ждал.

– Что ж. – У меня пересохли губы. Я делаю глоток и смотрю на Сэма, прикидывая. Он больше меня. Я физически слаба (но погодите – вот доберусь до приколиста, который прописал мне такие параметры...), зато он, насколько я понимаю, хорошо воспитан. – Мы можем подстроить правила под себя по максимуму. Ожидается, что мы поселимся в одном жилье с кем-то другого пола. Обустроимся, почитаем инструктажи, выполним предписания – и в воскресенье пойдем в церковь, чтобы посмотреть, как дела у остальных. Думаешь, справимся, если будем относиться ко всему как к профессиональной форме?

Сэм с педантичной аккуратностью ставит пустой бокал на стол, достает планшет.

– Звучит славно, но здесь отмечено, что «нуклеарная семья» – не только соглашение экономического характера, но и сексуальная связь. – Он на мгновение замолкает. – А я вот, если хочешь знать, не силен в вопросах интима. Особенно с абсолютно незнакомыми мне людьми.

Так вот почему он так напряжен?

– Это что, проблема? Слушай. – Я стреляю глазами на полусферу-согладатая – Касс, спасибо, что заметила и показала. – Уверена, все это – формальности. Они официально оставляют нам шанс исправить все ошибки на церковных собраниях. По... воскресеньям, так ведь? А пока, – поднимаю на него глаза, – я не возражаю против твоих предпочтений. Нам необязательно заниматься сексом, если мы оба этого не хотим. Тебя расклад устраивает?

Какое-то время он смотрит на меня сверху вниз.

– Может работать, – тихо говорит он.

Я понимаю, что только что выбрала мужа. Надеюсь, он – не подсадной охотник.

То, что происходит дальше, вызывает разочарование. Кто-то, вероятно, наблюдал за групповой динамикой через ту потолочную полусферу, потому что еще через пару килосекунд наши планшеты звенят, привлекая внимание. Нам приказано пройти через дверной проем в задней части лекционного зала парами, с интервалом не менее двух секунд. Мы уже в реальности эксперимента, в административной подсети, за воротами дальнего следования, соединя-

ющими нас с Невидимой Республикой, и за этой дверью есть некая система Т-ворот ближнего действия, готовая доставить нас, куда надо. Я беру Сэма за руку – она огромная, но держится за мою вяло, нехотя; кожа немного липкая – и веду к двери

– Готов? – уточняю на всякий случай.

Он кивает с несчастным видом.

– Да, пошли уже. Покончим со всем этим.

Мы делаем шаг.

– А ты не слишком торопишься покончить, красавчик?

Еще шаг.

– Пройдет почти три года, прежде чем все закончится!

Шаг – еще один, последний...

...и вот мы уже стоим в крохотной комнатулке напротив другой двери, окруженные невообразимым хламом. Сэм отпускает мою руку, поворачивается ко мне.

– Что, уже? – спрашиваю я, и голос мой срывается на недостойный писк.

4. Покупки

Рив и Сэм Брауны – такие у нас теперь имена, – пара из среднего класса, живущая где-то в промежутке с 1990 по 2010 год, то есть в самый разгар темных веков. Они – так называемые супруги, что означает: эти двое живут вместе и состоят в моногамных отношениях, официально одобренных правительством, идеологией и религией; уважаемая ячейка общества.

В интересах эксперимента Брауны в настоящее время безработные, но неплохая финансовая подушка позволяет им с комфортом жить около месяца – за этот отрезок времени они должны попытаться найти себе оплачиваемые места. Недавно они переехали в пригород, в коттедж с мансардой и собственным садом, со всех сторон окруженный живой изгородью из рослых деревьев и таким образом отделенный от других, очень похожих друг на друга домов. Жилище стоит вблизи от дороги – транспортного коридора без стен, по которому ездят легковые автомобили (знакомое понятие, где-то уже попадалось) и некие грузовики (это еще что за хрень). На этом симуляция заканчивается – вся окружающая среда хоть и должна имитировать поверхность целой планеты, небо – все равно растяжка, висящая в десяти метрах над нашими головами, а дорога через двести метров в каждую сторону исчезает в тоннелях, скрывающих входы в Т-ворота. Повсюду – искусственные барьеры из тернистой с виду растительности, не позволяющие нам наткнуться на стены. Это довольно хорошая симуляция, учитывая, что, согласно данным планшета, она на самом деле заключена в рое обитаемых цилиндров (каковые, в свою очередь, тихо-мирно вращаются в поясах обломков трех-четырех коричневых карликов, разделенных сотней триллионов километров вакуума). И все ж ничего настоящего тут нет.

Наш дом...

Я выхожу из шкафа, в котором материализовались мы с Сэмом, и оглядываюсь. Шкаф стоит в каком-то сарае, с грубым полом, выложенным керамической плиткой, и тонкими прозрачными стеновыми панелями (по словам Сэма, называемыми «окнами»). Здесь повсюду всякая всячина – горшки с мелкими пестрыми растениями, расположенные на прибитых к стенам полочках; дверь из деревянных планок и листа стекла... – всего не перечислишь. Перед дверью лежит какой-то мат, похожий на плетеный коврик, чье назначение неясно. Я толкаю дверь, и то, что за ней, сбивает с толку еще больше.

– Я-то думала, у нас будет квартира, – замечаю я.

– Спецами по уединению эти люди не были. – Сэм оглядывается, словно пытаюсь определить, какие здешние артефакты эпохи ему хоть что-то говорят. – Им не была дана анонимность в публичных пространствах, поэтому зона комфорта стянута в одном месте. Это называется «здание», в нем много комнат. А мы сейчас просто в тамбур запёрлись.

– Ну, как скажешь. – Чувствую себя идиоткой. Внутри дома я оказываюсь в коридоре. Есть двери с трех сторон. Я брожу из комнаты в комнату не веря своим глазам.

У древних были ковры. Предоставленный нам – достаточно толстый, чтобы заглушить раздражающий *тук-тук-тук* обуви. Стены покрыты каким-то тканевым принтом, абсолютно статичным, но не неприятным на вид. Окна передней комнаты выходят на горб земли, засаженный яркими цветами, а сзади – на простор стриженной травы. Все комнаты заставлены мебелью – массивной и тяжелой, сделанной из резных кусков дерева и металла, то есть из абсолютно глупой и не располагающей к полиморфным модификациям материи. Сплошь прямые линии, все кривое – либо миниатюрное, либо механическое. В задней части дома имеется комнатка с множеством металлических поверхностей и чем-то вроде резервуара для воды с открытым верхом, а над верхушками шкафов разбросаны странные машины. Под лестницей – еще одно помещенье, где стоит узнаваемый, но, как и всё вокруг, примитивно-неинтеллектуальный унитаз.

Я пускаюсь в обход по коридору наверху, распахивая двери одну за другой и ломая голову над назначением то одной, то другой комнаты. Все они разделены по функциям, но не строго, а с совмещениями, насколько я понимаю. Меня порядком озадачивает шкаф с продольной перекладиной от стенки к стенке, на которую рядом навешаны загогулины неприятного вида – вроде пыточных инструментов. Да, есть чему поучиться. Я сажусь на кровать, вытаскиваю планшет. Невольно спрашиваю себя – что теперь, в какую сторону двинуться дальше.

На планшете, будто в ответ на мысль, появились кнопка, стрелка и надпись:

*ДЛЯ ВЫЗОВА СПРАВКИ
ПОДНЕСИТЕ К ВЫЗЫВАЮЩЕМУ
КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС ОБЪЕКТУ*

«Ага, справочная система!» – думаю я облегченно, поднося гаджет к загадочному шкафу и нажимая на стрелку.

Это ГАРДЕРОБ: шкаф для хранения чистой одежды. Примечание: грязную одежду можно привести в кондицию в ПРАЧЕЧНОЙ на цокольном этаже посредством обработки в СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЕ. У новичков в эксперименте имеется только один комплект одежды. Предлагаемое задание на завтра – купить новую одежду в городе.

У меня чешутся ноги. Я импульсивно сбрасываю туфли, радуясь, что избавилась от надоевших каблучков. Стягиваю с плеч черную куртку без карманов, вешаю ее на одну из тех неприятных загогулин и убираю в шкаф. Накатывает внезапное чувство покинутости – очень странное, просто донельзя, как и всё здесь. Как там Сэм, интересно? Я удивляюсь своему беспокойству за него – он ведь и на вводной лекции мандражировал, а если для него вся эта новая обстановка такая же стрессовая, как для меня...

Я жду, пока у меня перестанет кружиться голова, прежде чем вернуться вниз. По пути меня посещает мысль: должна ли я носить в своем доме ту же одежду, что и на публике? У этих людей ярко выраженная дихотомия персонального/общественного – у них, вероятно, разные костюмы для формальных и неформальных мероприятий. В итоге куртку я оставляю в шкафу, а туфли, к большому сожалению, снова надеваю.

Я нахожу Сэма сгорбившимся в углу огромного дивана в гостиной, перед массивной черной коробкой с изогнутой линзой, показывающей красочные, но плоские изображения и производящей много невнятного шума.

– Ты что делаешь? – спрашиваю я, и он чуть из кожи вон не выпрыгивает.

– Смотрю игру ноги и мяча – футбол, – поясняет он. – Это называется телевидение.

– Вот как. – Я обхожу диван и сажусь на него примерно посередине, на расстоянии протянутой руки от Сэма, и вместе с тем – на почтительной дистанции, каковая, вероятно, нужна ему при общении со мной. Всматриваюсь в картинки. Поначалу кажется, что на экране – механиды, но потом я понимаю, что это ортогуманоиды из плоти и крови, просто в однообразной одежде двух разных расцветок, красной и белой. Вот один из «красных» размашистым ударом ноги отправляет в столпотворение «белых» что-то напоминающее круглую штурмовую мину. «Белые» начинают пасовать ее друг другу. Действо – или ритуал, или игра – напоминает ожесточенную классовую борьбу. Зрители, соответственно, орут, жестикулируют и запрыгивают на выстроенные рядами сиденья.

– Почему ты это смотришь? – спрашиваю я удивленно.

– Похоже, это популярное развлечение. – Сэм качает головой. – Я подумал, если посмотрю, лучше пойму их общество...

– А что самое важное нам сейчас нужно понять? – спрашиваю я, наклоняясь к нему. – Суть эксперимента или жилищные условия?

Он вздыхает, берет черный узловатый прямоугольник, наводит его на коробку и ждет, пока изображение станет черным.

– Планшет посоветовал мне этот вид досуга, – признается он.

– А мой сказал, что завтра надо купить себе одежду. У нас есть лишь то, что в данный момент надето, и, видимо, оно быстро становится грязным и вонючим. Данный вид тканей неэкономно утилизировать, так что нужно иметь смену, которую придется найти в городе. – Тут мне приходит в голову мысль: – А как быть, когда мы проголодаемся?

– Есть кухня. – Он кивает на дверь в комнату, уставленную техникой, которая меня озадачила. – Но, если не знаешь, как всем тамошним пользоваться, можно заказать еду по телефону. Телефон – это сетевой терминал исключительно для голосовой связи.

– В каком смысле *если* не знаешь? – уточняю я, приподняв бровь.

– Я просто повторяю то, что выдал мне планшет, – отрешивается Сэм.

– Дай-ка его мне.

Он слушается, и я быстро прочитываю все, что ему насоветовали. Параграф про домашние обязанности сообщал, что в темные века люди делили работу по принадлежности к тому или иному полу. У мужчин обязанность – добывать деньги, у женщин – убираться на вверенной жилплощади и вести домашнее хозяйство: покупать и готовить еду, стирать одежду, управляться с домашней техникой, пока мужчина на работе.

– Что за дерьмо, – выдыхаю я.

– Думаешь, плохой расклад? – Сэм странно смотрит на меня.

– Ужасный, примитивнее некуда. Ни одно развитое общество не ожидает, что половина его рабочей силы остается дома, разделяя таким образом труд. Не знаю, кто им так в головы нагадил, но подход смехотворен. Такое впечатление, будто кто-то перепутал радикальную предписывающую документацию с описательной. – Постучиваю пальцем по его планшету. – Хотела бы я ознакомиться с серьезными исследованиями местных социальных условий, прежде чем принимать подобную чепуху на веру. В любом случае мы не должны жить так, даже если директива распространяется на большинство здешних зомби. Это ведь просто наставления рекомендательного характера. А так – любой уклад содержит исключения.

Сэм о чем-то задумывается:

– То есть ты думаешь, что они ошиблись.

– Ну, я не собираюсь утверждать наверняка, пока не изучу их первоисточники и не попытаюсь выявить какую-либо предвзятость, но в любом случае не жди, что я тут буду все в одиночку драить. – Я расплываюсь в ухмылке, желая слегка смягчить посыл. – Что ты там говорил про еду, которую можно заказать по телефону?

...На ужин у нас – круглая, запеченная, похожая на хлеб вещь, называемая здесь пиццей. В блюде наличествуют сыр, томатная паста и другие вещи, усиливающие вкус. Она горячая и жирная, приходит к нам через ворота короткой дальности в тамбуре – ее не доставляют на грузовике, что меня несколько разочаровывает. Ладно, значит, знакомство с примитивными технологиями откладывается до завтрашнего дня.

Сэм впадает в дрему после ужина. Я снимаю туфли и чулки и убеждаю его, что он будет чувствовать себя лучше без пиджака и галстука. Долго уговаривать не пришлось.

– Не знаю, почему они это носили, – жалуется он.

– Я изучу вопрос позже. – Мы все еще сидим на диване с открытыми коробками из-под пиццы, балансирующими на коленях, и жирными пальцами отправляем горячие куски блюда в рот. – Сэм, почему ты вызвался участвовать в эксперименте Юрдона?

– Почему? – Он впадает в мимолетную панику.

– Ты застенчивый, не умеешь общаться. В правилах же четко прописано – придется жить в темные века и взаимодействовать со средой десятую долю гигаекунды, без всяких отвлечений. Тебе не кажется, что ты малость сглупил?

– Это очень личное дело. – Он скрещивает руки на груди.

– Твоя правда. – Я замолкаю и смотрю на него. На мгновение он кажется мне таким грустным и подавленным – жаль, не могу взять свои слова обратно.

– Мне понадобилось сбежать, – бурчит он себе под нос.

– От чего? – Я откладываю коробку и по ковру ползу к большому деревянному ларю с ящиками и отделениями, полными бутылок со спиртным. Беру пару стакашек, открываю бутылку, нюхаю содержимое – никогда не узнаешь, пока не попробуешь, – и наливаю. Несу их назад к дивану и передаю ему один стакан.

– Когда я вышел из реабилитационного центра... – Он таращится на телевизор, что странно – аппарат выключен. Под ботинками у него короткие, из толстой ткани чулки. Его пальцы беспокойно дергаются. – ...Слишком много людей узнали меня. И это меня испугало. Это, конечно, и моя вина, но, если бы я задержался там – боюсь, кто-нибудь причинил бы мне боль.

– Боль?.. – Сэм – далеко не тщедушный малый, у него почти львиная грива, но он часто кажется неуклюжим и каким-то... уязвимым, что ли. Может, это и хорошо – в нуклеарных отношениях велик потенциал для злоупотреблений разного рода, но этот малый такой застенчивый и замкнутый, что едва ли у меня с ним будут проблемы.

– Я немного слетел с катушек, – признается он. – Знаешь же диссоциативную фазу психоза, через какую проходят некоторые пациенты после глубокого редактирования их памяти? Да, «немного» – мягко сказано. Я плевать хотел на резервное копирование, дрался все время, и людям часто приходилось убивать меня просто из самообороны. Честно сказать, я выставил себя настоящим дураком. Когда фаза отступила... – Он качает головой. – Честное слово, иногда лучший выход – найти укромный уголок и спрятаться. Вот я и нашел убежище. Вероятно, даже слишком укромное.

Что-то он темнит, думаю я, разглядывая его. Нет, братец, не верю.

– Все мы время от времениставляем себя дураками, – говорю я, пытаюсь подшутить к наблюдению некий утешительный посыл. – Вот, попробуй. – Я поднимаю свой стакан. – Там написано, что это водка.

– За амнезию. – Сэм поднял стакан. – И за завтрашний день.

Я просыпаюсь одна в чужой комнате, лежа на платформе для сна, под тканевым мешком, набитым какими-то волокнами. В течение нескольких панических мгновений я не помню, где нахожусь. У меня болит голова и будто кто-то насыпал мне песку в глаза. Если такой будет моя жизнь в темные века, я прогадала. *По крайней мере, сейчас никто не хочет меня убить*, говорю я себе, пытаюсь найти светлые стороны. Встаю с кровати, потягиваюсь и иду в ванную.

По пути я по рассеянности сталкиваюсь с Сэмом. Он голый, его глаза опухшие, выглядит сонным, и я натурально расплющиваюсь лицом по его груди.

– Ой, – вырывается у меня.

– Ты в порядке? – спрашивает он сразу.

– Думаю, да. – Отталкиваю его на несколько сантиметров, поднимаю голову, смотрю ему в лицо. – Прости. А ты?

У него встревоженный вид.

– Мы должны сейчас быть в городе, покупать себе одежду и всякое прочее.

– Что, правда?

Я с внезапной нервозностью понимаю, что мы оба голые, что он больше меня и весь волосатый. Да и он сам смотрит на меня так, будто никогда не видел раньше. Момент очень щекотливый, но в итоге Сэм снимает напряжение первым, устало мотая головой.

– Правда. – Он зевает. – Можно я первый в ванную?

– Конечно. – Я отступаю в сторонку, и он проходит мимо меня. Я провожаю его зад взглядом. Не знаю, как относиться к этому – жизни в одном доме с незнакомцем, который сильнее и крупнее меня. У которого, по собственному признанию, совсем недавно срывало крышу от вмешательства в память. Но... мне ли чего-то бояться? Не успел я толком сознаться с Кей, как мы уже поучаствовали в оргии и натрахаились до одурения – если это не импульсивное поведение, то что еще? И потом, Сэм последователен в своем воздержании – и, скорее всего, прав. Секс в этом мире является неприятным осложнением, особенно до того, как мы узнаем, каковы правила. Если они еще есть – эти правила. Смутные воспоминания пытаются всплыть на поверхность: у меня такое чувство, что я заводила отношения как с мужчинами, так и с женщинами – до того, как память отредактировали. Я бисексуальна и полиаморфна, или это другое? Точно уже не вспомнишь. Разочарованно трясую головой и возвращаюсь к себе в комнату, переодеваться.

Планшет, попавшийся по пути в руки, велит мне заглянуть в шкаф в тамбуре. Сбегаю вниз, ныряю в склепный холод – тут что, неравномерное отопление? В шкафу, где вчера находились миниатюрные Т-ворота, теперь – пара продольных полок. На одной из них – две сумочки; как стоило ожидать, из неинтеллектуальной ткани. У них много карманов, и, когда я открываю один, обнаруживаю, что тот полон пластиковых прямоугольников с именами и номерами. Мой планшет сообщает, что это кредитные карты и мы можем использовать их для получения наличных или оплаты товаров и услуг. Сам способ кажется грубым и топорным, но я все равно прибираю к рукам кошельки; отворачиваюсь от полок. И тут мой забитый отсутствием связи модем реагирует.

– А?... – Я оглядываюсь. Опускаю взгляд на кошельки в руке – над ними загорается яркий синий курсор, и модем сообщает: ПЛЮС ДВА ПУНКТА.

– Что за... – Я замираю как вкопанная. Планшет тихо тренькает.

Обучающее руководство

Очки СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА прибавляются и вычитаются за поведение, либо соответствующее принятым в эксперименте общественным нормам, либо нарушающее данные нормы. Также на показатель влияет общая успеваемость вашей тест-группы. По итогам эксперимента при выведении из симуляции все участники получают платеж-бонус, пропорциональный количеству заработанных в эксперименте очков социального рейтинга. Группа, набравшая наибольшее их количество, сможет полноценно удвоить финансовое вознаграждение.

– Принято! – Я спешу назад в дом, вручить Сэму его кошель. А он как раз идет вниз по лестнице, навстречу мне.

– Вот, – говорю я, протягивая ему одну из сумочек. – Твой кошелек. Можешь убрать в карман. А мне пока некуда убрать. Надеюсь разжиться сумкой, какая была у Энджи.

– Давай. – Он забирает у меня кошелек. – Ты читала учебник?

– Начала. Отличное средство от бессонницы. Так как нам попасть в город?

– Я вызвал такси, оно скоро придет.

– Класс. – Я смотрю на него сверху вниз. Он снова в костюме. И все равно неловко выглядит. От нетерпения я начинаю еле заметно переминаться с ноги на ногу. – Начнем с одежды. Для нас двоих. Куда пойдем? Ты разобрался, как продаются эти вещи?

– В городе есть что-то называемое «универмагом» – учебник советует перво-наперво идти туда. Там можно много всего найти.

– Хм. – Я раздумываю над кое-чем. – Я голодная. Ты решил, где будем есть?

– Думаю... да.

Снаружи, у самых дверей, появляется что-то большое и желтое.

– Это за нами? – уточняю я.

– Кто знает? – Сэм выглядит встревоженно. – Пойдем посмотрим.

Да, перед нами такси – вид транспортного малогабаритного средства. Его можно как бы зафрахтовать, взять напрокат вместе с пилотом, чтобы тебя переместили в пространстве. Пилот размещается в салоне впереди, а сзади – мягкое двух- или трехместное сиденье. Сэм и я усаживаемся и просим отвезти нас в ближайший универмаг; наш «таксист» кивает.

– Ближе всех «Мейси», в самом центре города. С вас пять долларов. – Он протягивает руку, и я замечаю, что его кожа совершенно гладкая, на пальцах нет ногтей. Непись, что ли – один из зомби? Сэм передает свою кредитную карту, и таксист проводит ею между пальцами, затем возвращает обратно. Мы трогаемся с места.

Такси издает разные звуки такой громкости, что я боюсь, не приключится ли вот-вот у него сбой в работе систем. Что-то довольно громко рокочет под нами, настойчиво воеет впереди, но мы без эксцессов катим по дороге, ныряем в черное приближающееся жерло дорожного тоннеля и через краткий период темноты попадаем в какое-то другое место, где много выстроенных парными короткими рядами домов с серыми фасадами. Такси встает у одного выделяющегося видом здания, и дверь около Сэма с щелчком открывается.

– Ваша остановочка, – говорит пилот, – центр города.

Сэм хмуро сверяется со своим планшетом, затем выпрямляет спину.

– Сюда, – указывает он. Прежде чем я успеваю спросить, почему туда, он уверенным шагом направляется к одному из ближайших зданий, в котором есть ряд дверей. Я следую за ним.

В магазине я, увы, быстро теряюсь. Повсюду валяются вещи, сваленные в кучи и сложенные в ящики для хранения, и вокруг бродит множество людей. Те, что в странной униформе, – продавцы магазинов, которые должны помогать вам находить вещи и забирать деньги. Нет ни фабrikаторов, ни каталогов, и я заключаю, что они могут продавать лишь то, что выставлено на обозрение, – вот почему оно повсюду. Спрашиваю у одной из сотрудниц, где мне найти одежду, а она говорит: «На третьем этаже, мэм». В центральной комнате с высоким потолком есть движущиеся лестницы, по одной из них я направляюсь на третий уровень здания и осматриваюсь.

Одежда. Много одежды. Больше одежды, чем я когда-либо могла себе представить в одном месте – вся она сделана из дурацкой неинтеллектуальной ткани, и нет никакого очевидного способа найти то, что хочешь, и подогнать под нужный размер! Как они вообще понимают, что им нужно? Какая-то сумасшедшая система, просто размещающая все товары в одном большом доме и треплющая отечески по щеке – давай как-нибудь сам. Еще есть люди, которые ходят и перебирают товар, но, когда я подхожу к ним, они оказываются зомби, играющими роль реальных людей. Никого из прочих участников эксперимента здесь нет. Похоже, мы явились слишком рано.

Брожу по лесу стеллажей, увешанных куртками, пока не натываюсь на продавщицу.

– Ты, – указываю я на нее пальцем. – Что я могу надеть?

Она выглядит как человеческая ортосамка: в синей юбке, жакетике и туфлях на неудобном каблуке. Одаряет меня бездумной улыбкой.

– Что бы вы хотели приобрести? – спрашивает она.

– Мне нужно... – Тут я тушуюсь. – Мне нужно нижнее белье, – говорю я. Так, вещи здесь не очищаются сами, значит... – Недельный запас. Еще несколько пар чулок. – Свои я порвала

на левой ноге. – И еще один наряд – такой, как на мне сейчас. И еще один комплект обуви. – Тут мне в голову кое-что приходит. – А можно мне еще нормальные брюки?

– Пожалуйста, подождите. – Продавщица замирает, словно обрабатывающий запрос бот – по сути, она им и является. – Так, давайте сперва пройдем сюда. – Она подводит меня к постаменту, где выстроились в ряд полимерные статуи в тонких длинных мантиях, и вскоре другая сотрудница появляется из двери в стене со стопкой пакетов. – Пожалуйста, всё, что вы просили. А вот брюк в нашем отделе нет. Но если дадите мерки, мы сошьем для вас одежду нужного размера.

– Ого. – Я оглядываюсь. – А во-о-он там я могу что-нибудь выбрать?

– Да, конечно.

Пару килосекунд я провожу, выискивая себе нормальный низ. Как ни странно, здесь продают преступно мало штанов, и все они выглядят поврежденными – из тяжелой синей ткани, истрепавшейся и порванной в районе колен. В конце концов, я оказываюсь в другом отделе магазина, где вижу брюки на вешалках. Они были бы в самый раз – прямые, черные, без дырок.

– Одни моего размера, пожалуйста, – говорю я ближайшему продавцу-мужчине.

– Но ведь это – мужские, мэ. – Он ошарашенно смотрит на меня.

– Я понимаю. Здорово. – Я чешу в затылке. – Перекроить их сможешь?

– Увы, мэ, мы таким не занимаемся. – Тут снова оживает мой модем с урезанным функционалом: над вешалкой с брюками появляется красная надпись НАРУШЕНИЕ СОЦ. НОРМЫ.

– Гм. – Значит, есть ограничения на то, что мне можно продать? Раздражает уже! – Хорошо... Давайте так. Мне нужны брюки для мужчины такого же роста, как у меня.

– Хорошо, мэ. – Лицо продавца-неписи прямо-таки озаряется. – Минутку.

Я жду, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. В конце концов из неприметной двери в стене магазина появляется еще один мужчина, неся сверток.

– Ваш товар, мэ.

– Ага. – Я беру штаны, подавляю ухмылку и думаю о том, как будет славно и от раздражающих туфель избавиться. – Так, покажите мне обувной отдел. Нужны ботинки для мужчины с моим размером стопы.

Когда я расплачиваюсь за все с помощью «кредитной карты», получаю еще пару очков социального рейтинга. Пока у меня их набрано пять.

Я встречаюсь с Сэмом в мебельном отделе через долю килосекунды. Мы оба сильно перегружены сумками, но Сэм купил переносной контейнер под названием «чемодан», и мы запикиваем туда бо́льшую часть наших покупок. Я разжилась сумкой через плечо и парой ботильонов на мягкой подошве, которые не гремят при ходьбе, – теперь ходить куда удобнее. Впрочем, от старой обуви я решила не избавляться и убрала ее в сумку. Вдруг понадобится.

– Пойдем найдем, где поесть, – предлагает Сэм.

– Погнали. – На другой стороне от «Мейси» есть закусочная, и она мало чем отлична от настоящей, за исключением того, что еду к столу доставляют из местных кухонь люди – то есть неписи, обслуживающий персонал. К счастью, это симуляция, иначе мне было бы совсем плохо. В пору Войн Правок было распространено учение о том, как проводить синтез пищи из биологических отходов или мертвых товарищей по оружию – тут подобным рационализмом не пахнет. Эрзац-цивилизация, иначе не скажешь. Мы заказываем себе еду по меню, отпечатанному на листе белой пленки, и садимся ее ждать.

– Как прибрахлился? – спрашиваю я у Сэма.

– Неплохо, – осторожно отвечает он. – Купил нижнее белье, несколько пар брюк, еще рубашки... Планшет говорит, что здесь существует множество социальных условностей, связанных с одеждой. Что-то носить можно, что-то нельзя – поди в этом всем разберись. Я вот пока не уверен, что понял все.

– Расскажи, что понял. – Я делюсь с ним своими трудностями поиска брюк без дырок на коленях.

– Так, там написано... – Он снова хватается за планшет. – Ага. Обычай роскоши. Он не закреплен законодательно, но в ранние темные века женщинам лучше не носить брюки, а мужчинам – юбки. – Он хмурится. – Также говорится, что этот обычай смягчился где-то в середине временного периода.

– Ты собираешься во всем сверяться с этой штукой? – спрашиваю я, когда подходит непись и ставит бокал бледно-желтой жидкости, называемой пивом.

– Ну, нас могут оштрафовать, – говорит Сэм, пожимая плечами. – Хотя, думаю, ты права. Мы не должны делать ничего, что нам не понравится.

– Правильно. – Я поднимаю правую ногу и ставлю ступню на стол. – Зацени.

– Обувь. Не женская...

– Ага, из мужской секции. Но мне ее продали-таки, когда я сказала, что это подарок мужчине моих габаритов.

– Умно.

Я понимаю, что показываю ему ногу с порванным чулком, и прячу ее назад под стол.

– Свобода хитрости у нас точно есть, осталось выяснить ее границы. И если выясним, заживем здесь по-своему, так?

Приносят тарелки с едой: синтетические стейки и искусственные овощи, выглядящие так, будто они выросли в грязном уголке дикой биосферы; еще чашки с яркими приправами. Некоторое время я вожусь в своей тарелке. Я действительно голодна, и еда вкусная, хотя бесхитростная. По крайней мере, мы не собираемся здесь голодать. Я насыщаюсь довольно быстро.

– Не знаю, получится ли такое, – бубнит Сэм с набитым ртом. – Система рейтинга...

– ...не мешает нам делать что-либо, – заканчиваю я за него, отодвигая тарелку. – Все, что от нас требуется, – договориться игнорировать тот или иной запрет, тогда системе ничего не останется, как прогнуться под нас.

– Наверное. – Он отправляет в рот еще кусок стейка.

– В любом случае мы понятия не имеем, что они считают нарушением норм. Я имею в виду, что я должна учудить, чтобы потерять очко рейтинга? Или чтобы получить, раз на то пошло? Фиоре сказал только «соблюдайте правила, копите баллы». – Я взмахиваю вилкой, и нацепленный на нее маленький овощ летит куда-то мне за голову. – В планшетах есть только справочная информация – замшелая чепуха о том, что общество у нас генетически детерминистское, с уймой глупых обычаев, но не прояснено, что будет с нами, если мы начнем подстраивать его под себя. Все общества обладают определенной степенью гибкости, а эти ребята-экспериментаторы лишь взяли первую встречную узконоормативную интерпретацию. По мне, пахнет пофигизмом.

– А что подумают остальные? – заволновался Сэм.

– А что они подумают? – Я гляжу на него с иронией. – Мы здесь проторчим столько времени, что свихнуться недолго. Ты действительно думаешь, что бонус в конце будет для наших настолько важен, что три года ходьбы в туфлях с дурацкими каблуками, от которых адски болят ноги, покажутся чепухой?

– Как знать. – Сэм кладет нож. – Зависит от того, каков баланс между ущербом собственным интересам и будущим возможным богатством. Интересный, кстати, выбор...

– Ладно. – Я встаю со стула. – Давай проверим систему на прочность. – Я сбрасываю куртку и кладу на спинку. Пара поглощающих еду зомби оглядывается.

– Дамы и господа, внимание! – кричу я, расстегиваю платье и спускаю его на уровень лодыжек. У Сэма отвисает челюсть. Я наблюдаю за его реакцией, расстегивая на спине один предмет одежды под названием «лифчик» и сбрасывая его, затем вскакиваю на стул и даю

своим половым признакам свободу от предмета одежды под названием «трусы». – Как вам мой вид, а? А вот еще...

Тут все мое поле зрения перекрывает алая вспышка. Модем громко звонит, рождая звук, похожий на сигнал, предупреждающий о разгерметизации, – мы все научаемся бояться его еще до того, как осваиваем ходьбу.

МИНУС 10 ОЧКОВ РЕЙТИНГА ЗА ПУБЛИЧНОЕ ОБНАЖЕНИЕ!!!

Этот «прилет» настолько резкий и неожиданный, что я падаю с избранного трибуной стула спиной назад и сбиваю со стола тарелку. Овощи рассыпаются у меня по груди. Когда зрение кое-как проясняется, первое, что я вижу, – официантов, спешащих мне навстречу: кто с полотенцем, кто с фартуком, с чем угодно, лишь бы скрыть ужасное зрелище. Сэм на все это таращится с благим ужасом. Я поднимаюсь с пола, и трое-четверо зомби – все мужчины, крупнее и сильнее меня, – хватают меня под руки. После короткой схватки меня силком запи- хивают в женский туалет. Мгновение спустя, когда я все еще пытаюсь отдышаться, дверь при- открывается, и в маленький зазор кто-то пропихивает разбросанную мною одежду.

СОВЕРШЕН ОБЩЕСТВЕННО НАКАЗУЕМЫЙ ПРОСТУПОК, припечатывает ко всему прочему модем. **ПОЛИЦИЯ УЖЕ В ПУТИ. СОВЕТУЕМ ВАМ ИСПРА- ВИТЬ ВАШЕ НАРУШЕНИЕ ДРЕСС-КОДА И НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО УДАЛИТЬСЯ.**

Вот дерьмо.

Через голову я неуклюже натягиваю платье, застегиваю куртку. Трусы-лифчики могут подождать – не знаю, что у них тут за «полиция», но инстинкт говорит, что добра от нее не жди.

Я распахиваю дверь и выглядываю за угол, но вокруг – никого, а передо мной – короткий коридор с дверью, ведущей в ресторан, и еще одной, на которой зелеными буквами написано: **АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД**. Я толкаю ее и обнаруживаю, что стою на узкой дороге, заставленной множеством контейнеров на колесиках. Пахнет разлагающейся органикой. Слегка трясаясь, я иду до конца, затем поворачиваю налево и еще раз налево.

Вернувшись на улицу, я натываюсь на Сэма.

– Ну как, удалась проверочка? – шипит он мне на ухо. – Меня чуть не арестовали!

– Арестовали? Это как, это что?

– Полиция – люди, которые могут забрать тебя и посадить в клетку. У них это называется «задержанием». – Он все еще пунцовый, взвинченный до предела. – Ты могла пострадать, в конце концов.

Я дрожу.

– Пошли домой.

– Я вызову такси, – угрюмо замечает он. – Хватит с тебя штрафов на сегодня.

Сэм купил вещь под названием сотовый телефон – карманную замену блочному сетевому терминалу, вмонтированному в стену. Он держит его в кармане. Какое-то время говорит в него, и довольно быстро подъезжает такси. Вскоре мы оказываемся дома, и Сэм топает в гостиную, оставив чемодан в прихожей, и включает телевизор. Я хожу на цыпочках некоторое время, прежде чем заглянуть к нему и обнаружить, что он поглощен футболом; на его лице – слегка озадаченное выражение.

Я провожу некоторое время в своей спальне, читая с собственного планшета. В нем много советов о том, как люди жили в темные века, ни один из которых не имеет особого смысла: бóльшая часть того, что они делали, звучит отфонарно и глупо, если отделять это от окружа- ющего социального контекста и истории, объясняющей, как развивались их обычаи. То, что моя идиотская выходка в ресторане повлекла за собой неприятности, до сих пор жжет изнутри, но как может хождение без одежды быть настолько преступным в любом мало-мальски раци- ональном социальном контексте? Через некоторое время я осознаю, что этим утром, расхажи- вая по дому голой, я не словила предупреждение.

Я снимаю всю новую одежду, обувь и спускаюсь вниз в таком виде. Вытряхиваю покупки из чемодана, несу их в свою комнату и прячу в шкаф. В шкафу места достаточно для объема вещей, десятикратно превосходящего мой текущий. Это немного озадачивает. Сейчас мне неохота возиться с примеркой – чувствую себя слишком плохо. Сэм меня демонстративно игнорирует (защитная реакция, наверное). Мы живем в сумасшедшей экспериментальной реальности, не имеющей смысла, и у меня даже не будет шанса узнать, думают ли все остальные, что это сумасшествие, пока не наступит послезавтра.

Я сажусь читать объяснения на планшете о том, как специализация согласовывалась с реальной работой в обществе темных веков, то и дело недоуменно морщась. Вдруг от низенького столика рядом с моей кроватью доносится трезвон. Я недоуменно озираюсь, а мой планшет выдает сообщение: «ОТВЕТЬТЕ НА ЗВОНОК».

Ого, а я не знала, что у меня есть персональный телефон. Некоторое время я шарю вокруг себя, потом нахожу-таки коренастый гаджет на шнуре, который следует держать у лица.

– Да-да? – спрашиваю я у динамика.

– Р-рив! Это... ты!

– Касс? Кей? – спрашиваю я, на мгновение забыв правило имен.

– Рив! Ты должна мне помочь! Он просто чокнутый!

– А?..

– Если я останусь – уверена, он снова меня избьет. Надо куда-то уйти!

Мне уже приходилось слышать, как звучит паника, и это – она самая. Касс (или Кей – я никак не могу отделаться от мысли, что это она) в отчаянии. Но почему?

– Где ты? – спрашиваю я. – Что происходит? Успокойся и расскажи мне все.

– Мне нужно уйти отсюда, – настаивает она, ее голос надламывается. – Он сошел с ума! Прочитал инструкции и прямо помешался на этих бонусах. Говорит, не даст мне спуску, а то я буду правила нарушать. Сегодня утром он ушел, запер меня и забрал мой бумажник – он все еще у него! – а когда вернулся, пригрозил, что побьет меня, если я не приготовлю ему еду. Говорит, что для получения максимального количества баллов самка должна подчиняться самцу, а если я не сделаю то, что сказано в инструкциях, он мне всыплет... а-а-а, он идет сюда!

Гудки.

Я остаюсь с трубкой в руках и с ужасом смотрю на стену за кроватью. Бросаю трубку и бегу вниз, в гостиную.

– Сэм! Мы должны что-то сделать!

Сэм отрывается от своего планшета.

– Что такое?..

– Это Ке... Касс! Только что звонила. Ей нужна помощь! Она не может себя защитить!

Сэм откладывает планшет.

– Ты уверена? – тихо спрашивает он.

– Ну да! Так она мне сказала! – От ярости меня всю трясет. Если я когда-нибудь отловлю шутника, который лишил меня всей силы верхней части тела, клянусь, пришью его голову к телу ленивца и заставлю пробежать трек на выносливость. – Мы должны что-то сделать!

– Например?

Я тушуюсь.

– Не... не уверена. Она хочет уйти. Но...

– Ты проверяла совокупный рейтинг команды?

– А... нет. При чем тут рейтинг?

– А ты проверь, – загадочно бросает Сэм.

– Ладно, секунду. – Я обращаюсь к модему, запрашиваю показатели. Результат меня слегка озадачивает. – Эй, у нас все... как-то слишком... хорошо. Даже после того, как я... – Тут я запинаясь.

– Ну да, если посмотреть промежуточный итог – выходит, мы получаем уйму очков рейтинга за формирование «стабильных нормированных отношений». – Его щека слегка подергивается. – У Касс и этого ее... Майка... хороший вклад.

– Но если он причиняет ей боль...

– Итак, давай поверим ей на слово. Но что мы можем сделать? Если изолируем их друг от друга, командный счет упадет на 100 очков. Рив, может, ты не обратила внимание, но все заметили твое маленькое чудачество в ресторане. Оно вписано в статистику красной циферкой. Вызвало настоящий переполох. Если будем делать то, что стоит участникам эксперимента стабильных отношений, некоторые из них – не я, а те, что одержимы итоговыми бонусами, – начнут нас ненавидеть. И, как ты указала ранее, мы застряли здесь на следующие три раза по триста мегасекунд.

– Вот холера! – Я смотрю на Сэма. – А ты?

Он с бесстрастным видом уточняет со своего дивана:

– Что я?

– Ты бы тоже стал меня ненавидеть? – тихо спрашиваю я.

Он на мгновение задумывается.

– Нет. Не стал бы. – Пауза. – Однако я желал бы видеть чуть больше осмотрительности с твоей стороны. Действуй спокойно, сперва обдумывая; сделай вид, что ты, по крайней мере, пытаешься адаптироваться к местным укладам.

– Конечно. Но что я должна думать о Касс? Если этот ублюдок Майк использует на ней свою большую физическую силу...

– Рив. – Сэм снова колеблется. – Я с тобой вообще-то согласен. Но сначала нам нужно понять, что делать. Может ли она отвязаться от него без нашей помощи? Если так, сделает все сама, и это будет ее выбор. Если нет, что мы можем с этим поделать? Первые ошибки давно аukaются нам. Если Касс не находится в непосредственной опасности, лучше всего заставить действовать всю команду, а не единоличничать.

– Но в данный момент мы должны помешать ему сделать что-нибудь с ней. Разве нет? – Не знаю, что на меня нашло. Я чувствую себя беспомощной и ненавижу себя за это. Я должна пробраться в дом этого подонка, выбить дверь и организовать ему полное брюхо холодного свинца. Или, если это не удастся – спланировать хитрый двойной набег, увести жертву в безопасное место, заминировать ванную врага или хотя бы насыпать ему зудопорошок в постель. Между тем я просто покричала, впала в истерику и вылила все это на Сэма. Мне не хватает обычной сети ресурсов и навыков, к тому же окружение навязывает мне свои решения проблем. Среда создана, чтобы навязать нам несправедливые гендерные роли, так что я... просто качаю головой.

– Чего мы точно не хотим – так это чтобы кто-то подумал, будто битие членов команды – отличный способ набрать очки, – задумчиво говорит Сэм. – Ты представляешь, как нам организовать?

Я призадумываюсь.

– Позвони ему, – выпаливаю я прежде, чем идея полностью созрела в голове. – Да, просто... позвони ему. – Я смотрю в сад. – Скажи, что мы увидим его и Касс в церкви послезавтра. Незачем распалиться. В планшете сказано, что туда надо элегантно одеваться и красиво выглядеть. Такой обычай. Скажи ему, что мы потеряем очки, если Касс будет плохо выглядеть. Ведь мы – разные люди, а рейтинг общий. – Я поворачиваюсь к Сэму. – Как думаешь, этого хватит, чтобы Майка проняло?

– Если он не законченный самодур, должно хватить. – Сэм кивает и встает с дивана. – Иду звонить, прямо сейчас. – Он умолкает вдруг: – Рив?

– Да?

– Не могла бы ты... ты меня нервируешь, когда так улыбаешься.

– Извини. – Я тоже выдерживаю паузу. – Сэм?

– Что?

Я молчу какое-то время, пытаюсь понять, сколь многое я могу спокойно ему рассказать. Но потом мысленно пожимаю плечами и говорю все сразу. Я не думаю, что Сэм – хладнокровный убийца, за чьи услуги платят враги моего прежнего «я».

– Я знала Касс. Вне эксперимента, до того, как мы, э-э-э, вызвались в него добровольцами. Если этот гребаный тряпка-мужик что-то сделает с ней, я... в этом теле... я не смогу вонзить зубы достаточно глубоко в его глотку, чтоб ему весь остаток жизни пришлось кушать задницей, но... я придумаю что-нибудь другое. Что-нибудь с фитильком. И знаешь, как оно со мной бывает, Сэм?

– Как?

– Я могу проявлять чудеса изобретательности, когда дело доходит до насилия.

5. Церковь

Сэм берет трубку в холле и просит оператора соединить его с домом Майка. Сидя на верхней ступеньке лестницы, я готовлюсь подслушать их диалог.

Но никакого диалога, собственно, не выходит – какое-то время Сэм пытается, судя по всему, не выйти из себя, а потом просто раздосадованно грохает трубку на рожки и возвращается в гостиную. Остаток вечера я стараюсь избегать его, погружаясь в черную депрессию, размышляя снова и снова, не усугубила ли я положение Касс, втянув в ее дело Сэма.

Балльно-рейтинговая система. Коллективная ответственность. Стабильные пары. Групповое давление. И так – пока голова не закружится. По общему признанию, я привыкла к тому, что в повседневной жизни есть правила – по крайней мере, в мирное время, – но кажется совершенно неприличным, что они настолько *буквальны*. Общества построены на тихом понимании, подталкивании локтем, подмигивании и – чрезвычайно редко – проверке правовой базы. Я привыкла постоянно разбираться в том, что работает, поэтому нынешний опыт – лобовое столкновение с полностью сформированным набором правил – стал для меня сильным шоком.

Я могла справиться с ним лучше, если бы меня не заключили в тело, которое явно не подходит. Обычно я не осознаю собственный рост или силу и меня не интересуют мезоморфные модификации, но я также не стала бы сознательно делать себя маленькой и хрупкой. А еще мой организм балансирует на грани недоедания. Когда я смотрю в зеркало в ванной, почти вижу ребра под подкожным слоем жира. Я не привыкла чувствовать себя такой худой – надо потолковать по душам с тем, кто это со мной сотворил... Ха-ха, но я не смогу с ним ничего сделать, верно?

– Какие придурки, – мрачно бормочу я, затем иду на кухню посмотреть, есть ли там что-нибудь с высоким содержанием белка.

Позже я захожу в подвал. Там стоят какие-то машинки. На планшете написано, что они для домашнего обслуживания. Я размышляю над устройством для чистки одежды. В нем есть что-то примитивное и механическое – жесткая форма, заданная раз и навсегда. Это ведь даже не настоящая *машина* – пластичная, вариативная, адаптирующаяся к хозяйским потребностям. Она не реагирует, когда я говорю ей начать стирку одежды. Безнадёжно глупая вещь.

В глубине подвала нахожу еще кое-что – скамейку с прикрепленными рычагами, для кропотливого наращивания мышечной массы верхних конечностей. Я немного скептически отношусь к ней, но на планшете отмечено, что люди темных веков должны были развивать свои мышцы с помощью регулярных подъемов тяжестей и других упражнений. Я нахожу руководство к этой машине, и через несколько секунд мне удастся превратить собственное тело в дрожащее, насквозь пропитанное потом желе. Этакая психологическая пытка – наглядный урок того, как я слаба.

Поднимаюсь наверх, принимаю душ, засыпаю беспокойным сном: меня преследуют сновидения, в которых я тону, и видения Кей, тянущейся ко мне всеми своими руками с мольбой о чем-то непонятном. Уже не говоря об отголосках чего-то ужасного: иммигранты размахивают оружием, кричат и просят, чтобы их протолкнули через врата ада. Я резко просыпаюсь и полчаса лежу в темноте, дрожа от холода. Что со мной творится?

Я – пленник другого мира. Правду говорят: чужое прошлое – потемки. Правда, обычно имеют в виду совсем другое.

* * *

Когда я стою утром на кухне и пытаюсь расшифровать инструкцию к кофемашине, звонит телефон. Терминал находится в вестибюле, поэтому я иду туда и отвечаю на звонок, гадая, что случилось.

– Входящий вызов для Сэма, – жужжит искусственный голос. – Сэма Брауна просим к телефону.

Я один миг смотрю на трубку, затем – в сторону лестницы.

– Это тебя! – кричу я.

– Уже иду. – Сэм спускается, минуя разом по две ступеньки.

Я передаю ему трубку.

– Да? – Он прислушивается. – Не понимаю. Можете повторить? А-а-а. Да-да, могу.

Когда слушаешь разговор по одному из этих старых телефонов, возникает жуткое ощущение. Они, эти телефоны, существуют в странном пространстве – полудуплексной информационной среде, лишенной должной конфиденциальности.

Сэм слушает инструкции – сначала удивленный, потом раздраженный. Наконец он вешает трубку.

– Ну, чего ты возишься! – говорит он покровительственно.

– Пытаюсь сварить кофе, – парирую я. – Подойди сюда и покажи мне, что к чему.

– За мной выслали такси. У меня полчаса – это примерно две килосекунды, да?

– Кто выслал? – спрашиваю я. В кишках все сжимается от беспокойства.

– Меня устроили на временную работу, – объясняет Сэм. – Отправляют на тренинг. Я должен узнать, как здесь устроена система труда. Позже мне, вероятно, поручат что-то конкретное.

– Хм. – Поворачиваюсь к кофемашине, чтобы он не заметил, как я хмурюсь. Если это бак гидроокиси, где-то обязательно должен быть инжектор Вентури... Собранные металлические детали этой штуки мне так же непонятны, как и разобранные. – Я должна что-то сделать? Меня тоже позовут?

– Не думаю. – Сэм колеблется. – Ты можешь попросить работу, но никто этого не ждет. И в моем... мануале написано, что это отправная точка. – Он не выглядит как человек с переизбытком счастья на душе. – Нам платят коллективно, – добавляет он через несколько секунд.

– Что? Хочешь сказать, тебя заставляют работать, а мне будет просто так причитаться половина оплаты?

– Да.

Я качаю головой и снова обращаюсь к кофемашине. Через некоторое время довожу ее до того, что она издает булькающе-скулящие звуки и начинает подтекать коричневатой жидкостью. Я смотрю в изумлении. А чашку сначала сделать?

Вот я тупица – здесь же нет ассемблеров. Торопливо роюсь в шкафах, нахожу пару чашек и ставлю одну из них под носик.

– Тупица, тупица, – приговариваю я, не зная, подразумеваю себя или конструктора этой машины, давным-давно умершего.

Вскоре подъезжает такси, и Сэм отправляется на свой тренинг. Я недолго брожу по дому и пытаюсь узнать, что в нем для чего служит. Оказывается, стиральная машина имеет физические переключатели, которые нужно настроить, чтобы она правильно работала. Это сугубо для воды, а еще нужно добавить к одежде так называемый «порошок», вместо того чтобы выставить нужную настройку на ткань. О тканях, созданных для жизни, я уже прочла на планшете, и меня немного мутит после этого – есть что-то потустороннее в ношении одежды из мертвых животных. Существует штука под названием «шелк», которая, по сути, представляет собой

рвоту насекомых; от одной мысли о ней у меня мурашек по коже бежит еще больше. В общем, здесь нужно носить только искусственное.

Вскоре мне становится скучно. Дом совершенно некоммуникативный (в реальной жизни я бы назвала его аутичным), а развлекательные ресурсы, мягко говоря, примитивны. Я пытаюсь позвонить, думая, что свяжусь с Касс и посмотрю, как она себя чувствует. Это безопасно – Майк, скорее всего, тоже отбыл на тренинг. Но телефон отвечает лишь идиотским «пип-пип» пару долгих минут (я пытаюсь привыкнуть к странным древним единицам времени). Может, она спит или пошла по магазинам? Или вообще мертва? На мгновение я задумываюсь: вдруг после того, как Сэм позвонил, Майк саданул ее головой о тренажер и разрезал на куски в подвале. Или задушил во сне.

Почему меня преследуют эти ужасные фантазии? Со мной что-то серьезно не так. Во многом потому, что я чувствую себя в ловушке. Изолирована, заперта в загородном доме, а мой муж ушел на работу. Нет, неправда: на самом деле меня ищет злоумышленник или убийца, потому что... что? То, что произошло до операции с памятью? Я застряла в изоляции и борюсь с собственным невежеством – просто смех.

Я должна убраться отсюда.

Через десять минут я стою на крыльце в ботинках и брюках, не соответствующих здешнему дресс-коду. На плече у меня сумка, в которой лежат бумажник и самый острый нож, какой я нашла на кухне. Смехотворное оружие, учитывая состояние мускулов моих рук (они болели так, будто я разрабатывала их молотком), но пока у меня нет ничего лучше. Если повезет, преследователи окажутся в такой же ситуации и я получу время для подготовки, прежде чем они решат сделать свой ход.

Правило первое в списке хорошо подготовленных беглецов – знай отходные пути.

Я не вызываю такси. Вместо этого иду на обочину дороги и оглядываюсь. Район тихий и немного странный. С обеих сторон растут огромные лиственные деревья, а прямо за садом, прилегающим к дому, растительность становится дикой и неухоженной. Незримые беспозвоночные стрекочут там как сломанные механизмы. Силюсь вспомнить, в каком направлении нас увозило такси. Вон в том. Я поворачиваю налево и иду по обочине дороги, готовая отпрыгнуть, если вдруг появится машина.

Вдоль дороги есть другие дома. Они примерно того же размера, что и наш – группы прямоугольных ящиков с отверстиями, закрытыми стеклом в рамах, и странно изогнутыми крышами. Они выкрашены в самые разные цвета, но все равно выглядят блеклыми и дикими, как сброшенные гигантскими моллюсками раковины. Ни в одном из них не наблюдается никаких признаков жизни, так что, думаю, их роль сугубо декоративна. Я понятия не имею, где живет Касс, – досадно. Я могла бы пойти к ней в гости. Может, от меня до нее – рукой подать. К сожалению, каталогизатор – лишь одна из служб, которую убрали из моего модема, и Сэм был однозначно прав, упомянув дикую «территориальность» древних. Если они вызывали стражей порядка лишь за то, что кто-то плохо одет на публике, что у них полагается за вторжение на чужие владения?

Пройдя несколько сотен метров, я достигаю возвышенности. Дорога продолжает идти горизонтально, входит в крутой ров и наконец ныряет в темный тоннель на склоне горы. Взглянув в сторону, я вижу, что с деревьями что-то не так. Вот он, похоже, – край нашей симуляции. С трудом представляю, что у меня под ногами – сложная техника, заключенная в оболочку из строительного алмаза; цилиндр длиной в милю, вращающийся в пустоте, ледяной тьме космоса. Пустота следующие несколько десятков миллионов километров, затем – коричневый карлик, немногим больше газового гиганта, далее – десятки триллионов километров до ближайшей звездной системы. Масштаб – мой первый враг.

Я вхожу в тоннель и вижу перед собой поворот, после которого становится очень темно. Это тревожно: я не заметила несуразности с ним, хотя чутко отслеживала все, что хоть как-

то выбивалось. Двигаю правой рукой по изгибу стены тоннеля, ввинчивающегося в темноту; иду медленно; метров через пятьдесят он начинает уходить в другую сторону. Прохожу еще один поворот, уже видя свет в конце, и вскоре бреду по дороге, по обеим сторонам от которой стоят здания, отличающиеся по форме и размеру. Передо мной – табличка со словами ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДЕРЕВНЮ (деревня – это маленький городок, а центр – деревенский район с магазинами – по крайней мере, я так себе это представляю).

Я много чего успела прочитать как примерная гражданка и знаю: есть несколько магазинов, в которые мне нужно наведаться. Для начала – строительный. Дело в том, что древние люди не могли просто попросить какой-то нужный шаблон у ассемблера, а должны были сами создавать объекты из простых компонентов. Это означает необходимость инструментов для работы. Солидный набор инструментов на удивление легко превратить в хороший арсенал. Пока не раскрою свою личность, вероятно, здесь я в безопасности, но «вероятно» недостаточно, когда альтернатива – смерть. В любом случае я все равно не сплю по ночам, потому что боюсь этого.

В хозяйственном магазине я провожу около получаса, обнаруживая, что продавцы-неписи не запрограммированы запрещать женщинам покупать топоры, ломы, катушки со стальной проволокой, аппараты для дуговой сварки, вспомогательное оборудование для механической обработки и любой другой инструмент, который находится в поле зрения. Набор, который я покупаю, стоит дорого, он огромный и очень тяжелый, но мне говорят, что все это привезут сами и установят в нашем гараже – вспомогательном здании, доступном снаружи, где я еще не была. Я благодарю персонал и добавляю к заказу несколько кусков необработанного металла да пару отрезков пружинной стали.

Когда я выхожу из магазина с заказанным для дома основным инструментом и топором, спрятанным под пальто, ближайшее будущее выглядит гораздо более оптимистичным. Утро ясное и теплое: из лиственных деревьев между зданиями доносятся крики маленьких пернатых динозавров. Впервые с тех пор, как я сюда попала, чувствую себя хозяйкой собственной судьбы.

И именно в этот момент я сталкиваюсь с Джен и Энджи, идущими рука об руку по тротуару к деревенскому зданию с вывеской над дверью «РЕТРОКАФЕ».

– О, Рив, привет! – Джен спешит навстречу, широко раскинув руки, чтобы обнять меня, а Энджи с тонкой улыбочкой ловит ее сзади за руку и осаживает.

Крепко обнимаю ее, надеясь, что топор она не почувствует, но – увы.

– Что на тебе надето? И... что это там у тебя?..

– Я ходила в строительный магазин, – объясняю я, принужденно-вежливо улыбаясь. – Раньше я покупала Сэму разные инструменты для этого, как его... для сада, и они не помещались в мою сумочку, поэтому пришлось сунуть топор в чехол, а чехол – за пояс, вот. – Определенно, надо попрактиковаться во вранье. – А что у вас?

– У нас все здорово! – довольно сообщает Джен, отпуская меня.

– Хотели зайти, по кофейку пропустить, – добавляет Энджи. – Пойдешь с нами?

– Конечно, – соглашаюсь я. Нет культурного способа сказать им «нет». Кроме того, я не контактировала ни с одним человеком, кроме Сэма, в течение ста килосекунд и хотела бы узнать, что у них на уме. Поэтому я иду за ними в «Ретрокафе», где мы сидим в боксе, выложенном блестящим красным винилом, за белоснежным полимерным столом, а официанты то и дело спрашивают, чего мы желаем.

– Как идет адаптация? – спрашивает Энджи. – Мы слышали, у тебя вчера были проблемы.

– Слышали-слышали, милая. – Джен улыбается, кивая. На ней – ярко-желтое платье и шляпа на голове, чем-то напоминающая баллистический шаттл. Она нанесла на лицо порошковую краску, чтобы улучшить цвет губ (красные) и ресниц (черные), и на ее коже распылено что-то, пахнущее как взрыв в цветнике. – Больше не повторится?

– Нет, конечно, – фыркая, отвечает за меня Энджи. – Такое бывает лишь поначалу. Пару раз, наверное, со всеми случалось, я ж права? – Она искоса смотрит на официанта. – Мне двойной шоколадный латте со льдом, из натуральных бобов, со взбитыми сливками и без сахара.

– Мне то же самое, – успеваю сказать я, прежде чем Джен начинает перечислять все пункты прейскуранта над прилавком, меняя каждое предложение три раза. Она долго не умолкает, а я тем временем смотрю на Энджи. На ней – пиджак с юбкой. Здесь такая комбинация зовется «костюмом», хотя женский костюм отличается от мужских. Энджи смотрится серьезнее, чем Джен, но блестящие куски металла, прикрепленные к мочкам ее ушей, смазывают впечатление. Полагаю, это должны быть украшения, хотя выглядят эти чужеродные вставки довольно болезненно.

– Что это в ушах? – спрашиваю я.

– Называется «серьги», – объясняет Энджи. – Тут есть салон, где протыкают уши, а потом в них можно вешать разные украшения. Как только дыры заживают, – добавляет она, слегка морщась. – Они пока немного болят.

– погоди, ты хочешь сказать, что оно не приклеено к коже... и материя уха не наращена поверх него? И еще оно... из металла, да?

– Да, – говорит она, бросая на меня странный взгляд. Я не знаю, что на это ответить, но, к счастью, отвечать не нужно: Джен разбирается со своим многоступенчатым заказом и поворачивается, сосредотачивая все внимание на нас.

– Я так рада, что мы встретили тебя сегодня, дорогая! – щебечет она, подаваясь ко мне вперед. – Я навела кое-какие справки – так вот, мы здесь – далеко не единственная группа испытуемых. Их шесть, и все они завтра соберутся в церкви. Нам не хотелось бы, чтобы кое-кто нас подвел!

– Ты на что намекаешь? – спрашиваю я ошеломленно.

– Она говорит, что придется соблюдать приличия, – сообщает Энджи, одаряя меня еще одним выразительным взглядом, не поддающимся толкованию.

– Не понимаю.

Джен чуть хмурит брови.

– Дело не только в том, что случилось вчера, – подчеркивает она. – Каждый имеет право на маленькую промашку. Но, оказывается, в дополнение к усреднению баллов в группе, каждая группа в приходе может рассказать о том, чего достигла за прошедшую неделю. Другие группы будут оценивать чужие успехи и голосовать за начисление и списание бонусных очков.

– Рекуррентный сценарий дилеммы заключенного с прикрученной коллективной ответственностью, – добавляет Энджи, как раз когда непись-официант крутит кран у одного из полированных стальных резервуаров за барной стойкой, рождая шипение гидравлики. – По мне, весьма элегантное решение.

Дерьмовое, так и вертится на языке, но я лишь сдержанно киваю и говорю:

– О да, оно и видно.

– Придется защищать ваше вчерашнее поведение, а другие группы могут или накинуть нам очков, или вычестить их – в зависимости от того, считают ли они, что мы этого заслуживаем. И от того, думают ли они, что мы затаим обиду, когда наступит их очередь на обсуждение.

– Коварненько.

– О да.

– Именно поэтому, дорогая, – вновь берет слово Джен, – ты не станешь появляться на людях, нарушая дресс-код, и положительно раскаешься во вчерашней глупой ошибке – можно без грязных подробностей. И мы, само собой, внесем свою лепту, поддержав тебя и постаравшись похоронить дело так глубоко, как сможем, под грудой грехов остальных групп. Не так ли? – Она смотрит на Энджи. – Мы – новая группа, и нас, как чую, будут подначивать. Одна Касс уже порядочно набедокурила.

– А что не так с Касс? – настораживаюсь я.

– Она не приживается, – говорит Джен.

Энджи явно хочет что-то добавить, но Джен еле заметным жестом пресекает ее.

– Если она будет тебе названивать и нести чушь – просто игнорируй. Она делает это лишь для того, чтобы привлечь внимание, и скоро прекратит.

– Она сказала мне, что Майк угрожает ей, – говорю я, глядя Джен в глаза. Непись-официант тем временем приносит нам первую кофейную чашку.

– Вот как? – Джен отвечает прямым суровым взглядом, и на ее лице ясно проступает стальная жестокость. – Какое нам до этого дело? Группа пострадает из-за их размолвок. И это еще фигня в плане последствий.

– А что еще не так?

– Социальный рейтинг повышается за занятие сексом, – говорит Энджи застенчиво-нейтральным голосом. – Ты еще не поняла?

– За секс, говоришь. – Я, наверное, кажусь возмущенной или шокированной, или что-то в этом роде, поскольку сталь исчезла из мины Джен, уступив место тупой веселости.

– Только с твоим мужем, дорогая. – Она отпивает кофе и оценивающе смотрит на меня. – Мы заметили еще кое-что. Я не хочу вас с Сэмом торопить, но...

– Кого я трахаю – не твое дело, – прямо говорю я. Мне приносят кофе, но сейчас я не чувствую жажды. Мой рот такой сухой и едкий на вкус, будто я только что прожевала полкило сырых кофейных зерен. – Я подобающе оденусь на церковное собрание и скажу всем присутствующим, что клянусь исполнять правила и следовать обычаю. Но... – Я стучу ладонью по столу перед кофейной чашкой Джен – в опасной близости. – Никто и никогда не станет указывать мне, чем я должна заниматься за опущенными шторами. Идет? Я постараюсь не стоять вам слишком больших штрафов, ребяташки, но и только.

Повисает ледяная пауза. Я делаю неосмотрительно большой глоток горячего кофе и обжигаю нёбо.

– Ну, я понятно выразилась? – уточняю на всякий случай.

– Кристально ясно, дорогая. – Глаза Джен блестят неподдельной злобой.

Я заставляю себя ответить ей улыбкой:

– А теперь, может, найдем, о чем цивилизованно поговорить, пока будем пить кофе и есть пироженки?

– Хорошая идея, – блеет Энджи. Она выглядит слегка потрясенной. – После обеда как насчет того, чтобы купить тебе что-нибудь подходящее для похода в церковь? На всякий случай. Между тем я хотела узнать, пользовались ли вы с Сэмом своей стиральной машиной? У нее есть некоторые интересные особенности... – И вот она уже как ни в чем не бывало обсуждает методы подсчета очков в женском мире, генерируемых теорией игр и контролируемых нелепой групповой порукой.

Когда ланч подходит к концу, мне кажется, я раскусила обеих. Энджи хочет добра, но слишком расчетливо переживает за собственное благо. Боится выйти за рамки, не хочет рисковать рейтингом и беспокоится о том, что о ней подумают люди. Такие черты делают ее легкой мишенью для Джен, которая внешне яркая и агрессивно экстравертная, но внутри скрывает дикую потребность в одобрении, заставляющую ее запугивать людей, куда те не подстроятся под нее. Джен – такая же безжалостная, как и все, с кем я встречалась после операции на памяти, – таких хирурги-храмовники открыто используют в своих целях. Что еще тревожнее – бледные призраки воспоминаний указывают на то, что я знала подобных людей раньше, но подробностей не дают. Кто они были, что значили для меня – все кануло в бездну амнезии.

Эти цыпы, по молчаливому обоюдному согласию, назначают себя моими личными помощниками в походе по магазинам на послеобеденное время. Они не грубы, но очень уж

настойчивы и не скрывают желания скорректировать мое поведение, заправить его в рукав дозволенного, чья длина отмерена кем-то другим – не ими.

После кофе и пирожных (за которые платит Энджи) меня сопровождают в вояже по ряду заведений. В первом из них я подвергаюсь вниманию парикмахера. Энджи сидит со мной и бесконечно болтает о кухонных приборах, в то время как Джен уходит по каким-то своим делам, а здешняя непись хлопочет над моей головной растительностью с помощью устрашающего арсенала лезвийных станков, ножниц, расчесок и химических реактивов. Когда мне разрешают встать с кресла, мои волосы – все еще длинные, но на несколько тонов светлее, и всякий раз, когда я трясую головой, остаются в установленной конфигурации – точно какой-нибудь пенопласт.

– Теперь пошли выбирать одежду на завтра, – говорит Джен, широко улыбаясь. Это явно не предложение, а форменный приказ. Меня таскают по бутикам, услужливые неписи под чутким руководством Джен вносят и выносят один элемент гардероба за другим, под конец процедур раболепствуя перед моей картой-кредиткой. В итоге я становлюсь до одури похожа на своих спутниц – Женщин, Вышедших-в-Люди.

– Почти готово, – говорит Джен с выражением на лице, близким к одобрению. – Осталось лишь *стать покладистой*.

– Чего-чего?

– *Напомадиться*, говорю! Макияж навести.

Они в открытую издеваются надо мной. Играют в «не расслышал – недосказал». Но оно, может, и хорошо, потому что, если бы мне сказали прямо, что будет происходить далее, я бы, наверное, сбежала. И я все время напоминаю себе (с растущим страхом), что в моем распоряжении по-прежнему почти тысяча мегасекунд (три *года*), чтобы сожалеть об ошибках, совершенных сегодня.

* * *

Небо симуляции алеет и низко опускается, к тому времени как такси, куда мы трое набились, останавливается у моего дома. Я открываю дверь.

– Давай, – говорит Энджи, пихая меня легонько. – Пойди удиви его. У него тоже был долгий день – пускай расслабится. – Она использует обезличенное «он» – ей все равно, кто это. Все, что ее и Джен волнует, – он мой «муж», и мы можем заработать группе баллы.

– Ладно, иду-иду, – говорю я смущенно. Беру сумку и, когда отворачиваюсь, что-то легонько колет меня в ногу. – Эй! – Я оглядываюсь, но такси уже отъезжает. – Что за хрень, – бормочу я. Икроножная мышца пульсирует – наклоняюсь и чувствую, что из нее что-то торчит. Вытаскиваю эту штуку – похожа на дротик или шприц. – Вот дерьмо.

Я ковыляю по тропинке в новых туфлях, которые они мне выбрали, – каблуки даже выше и менее удобны, чем у первой пары, – и захожу в дом. Выбрасываю пакеты, иду в гостиную, где включен телевизор. Сэм лежит перед ним с закрытыми глазами, узел галстука ослаблен. Мне жаль его. Я чувствую боль в месте укола – холодное напоминание о каком-то непотребстве, только что учиненном со мной.

– Сэм! Вставай! – Я дергаю его за руку. – Помоги мне!

– Что тако... ой. – Он открывает глаза, смотрит на меня. – Рив? – Он морщится, и это неудивительно, ведь от меня дико несет дрянью, которой меня зачем-то обрызгала из маленького флакончика Джен.

– Помоги. – Я сажусь рядом с ним и задираю юбку, показывая ему укол на моем бедре. – Смотри. – Я показываю ему ампулу. – Мне вхерачили вот это. Что это за хрень?

Моя промежность вдруг делается неестественно чувствительной, голова кружится. Я вся как-то расслабляюсь, и пресловутое учиненное непотребство уже не так волнует меня. Это очень тревожный симптом.

– Хм. – Сэм моргает. – Я не знаю. Кто это с тобой сделал?

– Джен и Энджи. Они высаживали меня из такси, и, я думаю, эта сучка уколола меня в последний момент. – Я облизываю губы. Что-то мне нехорошо. – Как думаешь, это яд?

– Не совсем, – говорит он, глядя на меня. Берет планшет, выстукивает на нем мини-ритм пальцами. – Охо-хо, – говорит он, показывая мне экран. – Они думают, это смешно?

Держась руками за живот и сжимая дрожащие ноги, я смотрю. Буквы пляшут перед глазами.

– Вот же... суки! – Меня переполняет ярость. – Шлюхины дочери!

Сэм качает головой.

– У меня был очень утомительный день, – говорит он. – А ты, я смотрю, отделалась легко. Приходишь домой в таком наряде, и твои подружки вкалывают тебе... возбудитель сексуального влечения? – Он приподнимает бровь. – Как думаешь, ради чего?

Этот тип способен оставаться спокойным и рассудительным в самых неожиданных ситуациях. Хотела бы я иметь хоть половину его самообладания в наших условиях!

– Рив, о чем все это? Неужели давление группы настолько велико? – В его голосе звучит тревога и сочувствие.

– О да. – Я сжимаю зубы изо всех сил. Он сидит слишком близко ко мне, но я не рискую двигаться. Афродизиак окутывает меня теплыми щекочущими волнами – боюсь, на кушетке останется влажное пятно. – Они навязывают правила п-поведения. У них там такие м-механизмы п-принуждения, о которых м-мы не зна-знали. Д-Джен и Энджи мне намекнули, н-но я... а-а-а-а, на фиг! Короче. Можно зарабатывать социальный рейтинг всякими разными социальными а-ах... активностями.

– Какими еще активностями? – мягко спрашивает он.

– Догадайся! – выплевываю я, нахожу в себе силы подняться и дую в ванную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.